

**БРЕНДОН
САНДЕРСОН**

РИТМАТИСТ

Брендон Сандерсон
Рифматист
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Рифматист», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69735577

*Рифматист: Азбука, Азбука-Антикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-24187-9*

Аннотация

Больше всего на свете Джоэл мечтает стать рифматистом. Почему?

Да потому, что рифматисты обладают способностью оживлять двухмерные фигуры, начертанные мелом. А еще потому, что рифматисты – последняя надежда человечества в борьбе против диких меллингов, которые того и гляди прорвут оборону и уничтожат все живое. Однако не всем мечтам суждено сбыться. Сыну меловых дел мастера стать рифматистом не удалось. И теперь Джоэл может лишь с тоской наблюдать за студентами академии Армедиуса, изо дня в день практикующими магическое искусство, ради которого он готов на все. Но загадочные, внезапные исчезновения студентов дают Джоэлу шанс проявить себя, и вдруг его жизнь коренным образом меняется...

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	7
Часть первая	11
Глава 01	13
Глава 02	42
Глава 03	54
Глава 04	70
Глава 05	92
Глава 06	107
Часть вторая	128
Глава 07	130
Глава 08	154
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Брендон Сандерсон

Рифматист

*Посвящается Джоэлу Сандерсону, чей
энтузиазм неиссякаем*

Brandon Sanderson

THE RITHMATIST

Copyright © 2013 by Dragonsteel Entertainment, LLC

Map and interior illustrations by Ben McSweeney

All rights reserved

Published by permission of the author and his literary agents, JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

© А. В. Третьяков, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

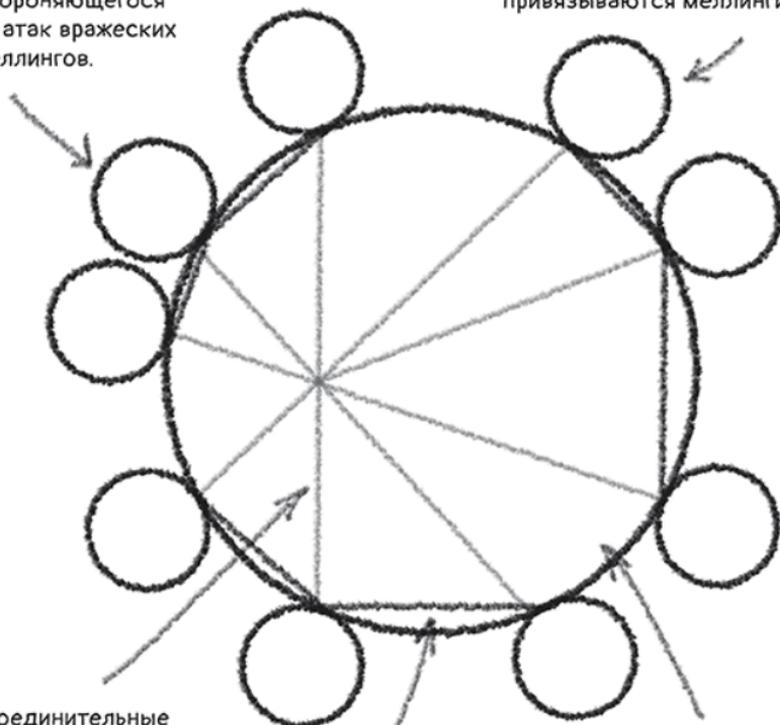
Издательство Азбука®

БАЗОВАЯ ЗАЩИТА ИСТОНА

Защиту Истона применяют, когда возникает необходимость противостоять нескольким противникам одновременно. Эта защита весьма сложна в построении, поскольку требует безупречного начертания девятиточечной заградительной окружности со вписанным в нее нонагоном без трех хорд жесткости или линий запрета.

Девять малых окружностей на точках привязки призваны защитить обороняющегося от атак вражеских меллингов.

В некоторых разновидностях защиты Истона к малым окружностям для защиты привязываются меллинги.

Соединительные линии представлены на эскизе для наглядности. В условиях реального боя в их начертании надобности нет.

Неправильный нонагон, вписанный в заградительную окружность, делает защиту Истона

Хорды жесткости многоугольника добавляют устойчивости и дают дополнительную защиту в случае появления брешей в заградительной окружности, но вместе с тем ограничивают мобильность обороняющегося

Пролог

Лили стрелой пролетела коридор и на бегу отбросила погасшую лампу. На фреске и дорогом ковре в лунном свете сверкнули масляные капли.

В тиши пустого дома раздавалось лишь ее судорожное дыхание. Кричать она отчаялась. Все равно никто не услышит.

Город, казалось, вымер.

Лили ворвалась в гостиную и застыла в нерешительности.

В углу, в призрачном свете панорамных окон, отмеряли время напольные часы. На горизонте рисовались очертания высотных зданий: между строениями в десять и более этажей виднелись перекрестья монорельсовых путей. Джеймстаун! Город, где она прожила все свои шестнадцать лет.

«Я умру», – подумала Лили.

К ужасу примешалось чувство безысходности. Лили отодвинула с центра комнаты кресло-качалку, спешно скатала ковер и обнажила деревянный пол. Сунув руку в мешочек, привязанный к петельке на поясе юбки, она извлекла длинный белоснежный мелок.

Лили припала на колени и уставилась на половицы, пытаюсь сосредоточиться и прояснить сознание.

Дрожащей рукой она уперла мелок в пол и принялась чертить окружность. Фигура вышла неровной. От столь небрежной заградительной линии профессора Фитча точно хватил бы удар. В отчаянии Лили не то усмехнулась, не то всхлипнула.

Пот капал со лба, оставляя темные пятна на древесине. Пока Лили вычерчивала линии запрета, призванные стабилизировать заградительную окружность, тремор не отпускал ее ни на секунду. Защита Мэтсона... Так, что я упустила?.. В точках привязки, образованных пересечением дуги окружности с линией запрета, Лили добавила два круга поменьше – для линий созидания...

Кто-то скребется.

Лили вскинулась и посмотрела на парадную дверь в конце зала. За дымчатой фрамугой скользнула тень.

Дверное полотно задребезжало.

– Мастер, помоги... – услышала Лили свой шепот. – Пожалуйста... Пожалуйста, помоги!..

На мгновение все стихло, а затем дверь распахнулась.

Крик застрял в горле. В лунном свете, опираясь на трость, стоял незнакомец в котелке и коротком плаще с капюшоном.

Лица странника Лили не видела, однако было что-то злое в его затененном силуэте и абрисе слегка склоненной набок головы. Ей удалось разглядеть лишь серебрищийся в лунном свете кончик носа, острый подбородок да взвизгивающие из чернильной бездны глаза.

На пол, стены и потолок коридора, корчась от ярости, хлынули белые, будто фосфоресцирующие, фигуры.

Все как одна плоские, точно лист бумаги. Все как одна начертанные мелом.

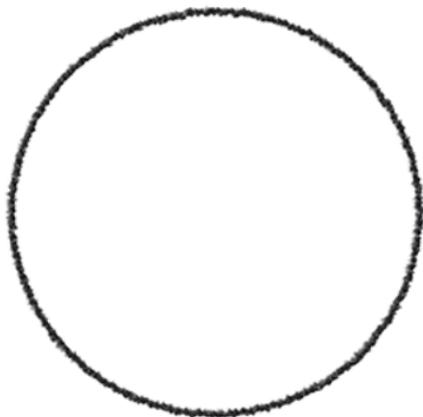
Однако фигуры не повторяли линий друг друга. Подрагивая всем своим рисованным естеством, сотни крохотных тварей наострили клыки, когти и бесшумно устремились в гостиную.

Обретя наконец голос, Лили закричала.

Часть первая

ЧЕТЫРЕ РИФМАТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ

Линия заградительной
окружности

Линия запрета

Линия созидания

Глава 01

– Скучная?.. – замерев на месте, требовательно вопрошал Джоэл. – Ты считаешь дуэль Крю и Чой тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года скучной?!

– Даже не знаю, что тебе и ответить, – пожал плечами Майкл, остановившись и оглянувшись на Джоэла. – Меня хватило лишь на пару страниц.

– Наверное, тебя просто подвело воображение! – Джоэл

поравнялся с другом.

Он приобнял Майкла и повел рукой, точно желая стереть раскинувшиеся перед ними зеленые лужайки академии Армедиуса и нарисовать панораму дуэльной арены.

– Ты только представь! – воскликнул Джоэл. – Схватка за первое место в крупнейшем рифматическом турнире «Дуэлянт»! В финал вышли Пол Крю и Адель Чой. Последняя осталась в игре вопреки всем ожиданиям. А ведь все ее соратники выбыли из состязания в первые же минуты!

Несколько студентов, сновавших между учебными корпусами, остановились на дорожке и заслушались.

– Ну и чего такого-то? – зевая, спросил Майкл.

– Чего такого-то?.. Майкл, это же финал «Дуэлянта»! Нет, ты все-таки представь себе, пожалуйста! Все до единого зрителя затаив дыхание ожидали, как же они начнут дуэль! А каково было Адель! Как она, наверное, нервничала! Такая ответственность! Ведь никогда прежде ее команда не доходила до финала «Дуэлянта»! И вот теперь ей выпала честь сразиться с самым искусным рифматистом поколения! Команда Крю специально окружила своего капитана претендентами послабей, чтобы до финала тот добрался полным сил. Они сделали все возможное, чтобы его заградительный круг не пострадал. В общем, это была схватка чемпиона и темной лошадки.

– Скукота! – воскликнул Майкл. – Ну что за интерес ползать по земле и рисовать круги?

– Ты безнадежен, – отозвался Джоэл. – Мы учимся в одной академии с рифматистами! Их тренируют у нас под носом! Разве тебе не любопытно?.. Хоть самую капельку?

– У них и без нас предостаточно поклонников, – сердито парировал Майкл. – Джоэл, они живут в своем обособленном мирке, и меня это полностью устраивает. Я вообще за то, чтобы здесь и духу их не было!..

Ветерок взъерошил его светлые волосы. Вокруг зеленели холмы и высились кирпичные корпуса академии Армедиуса. Невдалеке, тихонько исполняя свой долг, равнял траву заводной краб.

– Ты бы сразу переменял мнение, если бы вник! Сейчас я тебе расскажу, что к чему у рифматистов, – не унимался Джоэл, доставая мелок. – Вот встань-ка сюда и гляди в оба.

Он поставил друга посреди дорожки, встал на колени и очертил его окружностью.

– В общем, ты – Пол. А это заградительный круг. Ты проиграешь, если в нем пробьют брешь. – Джоэл отошел на несколько шагов по бетонной дорожке, вновь встал на колени и обрисовал мелом себя. – А вот это круг Адель. Команда Крю почти его пробила. И не в одном, а сразу в четырех местах! Когда настало время финальной дуэли, она бросилась перечерчивать защиту Мэтсона... Ладно, все эти технические подробности ни к чему!.. Тебе надо лишь знать, что к финалу круг Адель стал очень уязвим. Пол со своей нетронутой защитой доминировал на арене – одним словом, нахо-

дился в выигрышном положении.

– Как скажешь... – отозвался Майкл и улыбнулся проходящей мимо Еве Винтерс с учебниками у груди.

– Как только началась дуэль, Пол принялся бомбардировать заградительный круг Адель линиями силы, – рассказывал Джоэл. – Она тут же смекнула, что перечертить защиту Мэтсона и укрепить свои позиции попросту не успеет.

– Бомбардировать чем?.. Какими линиями?

– Линиями силы, – повторил Джоэл. – Дуэлянты используют их для атаки, понимаешь? Пытаются пробить ими брешь в защите друг друга.

– А я думал, что они рисуют мелом этих... существ?..

– Без них битвы тоже не обходятся. Рифматисты называют их меллингами. Но турнир «Дуэлянт» тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года прославился отнюдь не меллингами. Линии силы Адель – вот что до сих пор будоражит умы поклонников дуэлей. Даже двадцать лет спустя! Все ожидали, что Адель постарается затянуть состязание, покажет себя во всей красе... – Джоэл приложил мелок к дорожке за пределами круга и прошептал: – Но она не оправдала их ожиданий. Потому что кое-что заметила: за спиной соперника оказалась затертая секция! Достать Пола можно было только рикошетом от трех линий запрета, оставшихся после выбывших претендентов. Выстрел, как ты понимаешь, совершенно немислимый! Попытка, обреченная на провал... И тем не менее она попыталась. Пока меллинги Пола прогрызались

через ее защиту, она нарисовала линию силы и... выстрелила!

Захваченный собственным рассказом, Джоэл дорисовал перед собой линию силы, театрально взмахнул рукой и с удивлением обнаружил, что послушать его собралось не менее тридцати студентов. Затаив дыхание они ждали, что линии вот-вот оживут, однако ничего не происходило. Да и не могло, ведь Джоэл не был рифматистом, а все его чертежи представляли собой не более чем художества. Все это знали, и Джоэл – лучше прочих. По иронии судьбы после многообещающего театрального жеста чары истории вмиг рассеялись, и все направились дальше по своим делам. Джоэл же остался стоять на коленях посреди своего заградительного круга.

– Дай угадаю, – опять зевнул Майкл. – Выстрел удался?

– Ага... – отозвался Джоэл и вдруг почувствовал себя ужасно глупо; он оторвал мелок от бетона и поднялся на ноги. – Удался... Адель выиграла турнир, хотя ее команда не имела никаких шансов на успех. Эта была... просто блистательная победа!.. По крайней мере, так гласят источники.

– Бьюсь об заклад, ты бы все на свете отдал, только бы увидеть этот выстрел, – сказал Майкл, покидая нарисованный Джоэлом круг. – Готов поклясться самим Мастером: если бы тебе представилась возможность перенестись во времени, ты непременно бы истратил ее, чтобы увидеть турнир рифматистов!

– Конечно! Скорее всего, я так и поступил бы... А что еще

прикажешь мне делать с такой возможностью?

– Ах, ну да, – отозвался Майкл. – Зачем силиться предотвратить заказное убийство? Или пытаться выяснить, что же на самом деле произошло на Небраске? Или попробовать разбогатеть, на худой конец! Ведь лучше смотреть на дуэли рифматистов!..

– Наверное, ты прав, – отозвался Джоэл.

Он спрятал мелок и отпрыгнул в сторону, когда мимо просвистел футбольный мяч. Следом, помахав друзьям, пробежал Джефс Дэринг.

Джоэл и Майкл вновь зашагали по бетонной дорожке кампуса. Корпуса академии сплошь были увиты виноградными лозами. Позади строений зеленели изумительные пологие холмы, увенчанные цветущими деревьями. Туда и сюда, спеша с урока на урок, сновали студенты в одежде самого различного фасона. Поздняя весна радовала поистине теплыми деньками, и многие юноши уже ходили в рубашках и закатывали рукава. Одним только рифматистам надлежало носить форму, благодаря чему их легко было отыскать взглядом среди толпы. Трое из них как раз шли навстречу Джоэлу и Майклу, пробираясь между расступавшимися перед ними студентами. Негласное правило давать дорогу рифматистам превратилось в привычку, и многие даже не обращали на них внимания.

– Слушай, Джоэл, – заговорил Майкл. – А ты не думал, что твое увлечение... как бы это сказать... зашло слишком

далеко? Тебе не кажется, что ты уделяешь рифматистам чересчур много времени?

– Просто мне эта тема интересна, – отвечал Джоэл.

– Да... Так-то оно так... Но все это немного странно, учитывая, что...

Юноша фразу не закончил, однако Джоэл намек понял. Рифматистом он не был, и стать оным ему не грозило. Свой шанс он упустил. Но почему он не может увлекаться их деятельностью?

Майкл прищурился на проходящих мимо рифматистов в серо-белой униформе и вкрадчиво сказал:

– Понимаешь, есть «мы», а есть «они»... Чем бы они ни занимались, лучше оставь их в покое.

– Мне кажется, они тебе не по нутру, потому что ты им завидуешь. Ведь они могут такое, чего тебе никогда не освоить, – сказал Джоэл.

Этими словами Джоэл обратил на себя пристальный взгляд Майкла. Вероятно, он задел друга за живое. Майкл был сыном рыцаря-сенатора – привилегированное сословие как-никак... Такие, как он, не привыкли находиться в тени других.

– Как бы там ни было, – произнес Майкл, отводя взгляд и пробираясь по запруженной студентами дорожке, – одним из них тебе стать не светит. К чему же тратить время на пустые разговоры? Джоэл, это бесполезное занятие! Завяжи-вай! Хватит уже о них думать!

«Впрочем, как не светит и стать одним из вас», – мысленно прибавил Джоэл.

Чисто технически, в академии Джоэлу было не место. Обучение в Армедиусе стоило чудовищных денег. Принимали сюда только отпрысков родовитых или богатых семейств либо рифматистов. Ни к тем, ни к другим, ни к третьим Джоэл не имел абсолютно никакого отношения.

Когда они подошли к перекрестку, Майкл помедлил и сказал:

– Ну, мне пора... Урок истории.

– Ага, – отозвался Джоэл. – А у меня сейчас окно.

– Снова пойдешь разносить почту в надежде попасть на лекцию к рифматистам?

Джоэл зарделся: Майкл угадал.

– Летние каникулы на носу, – сказал он. – Поедешь домой?

– Ага! – просветлел Майкл. – Отец разрешил пригласить погостить несколько друзей. Пoryбачим, поныряем... Девочкам в сарафанчиках поулыбаемся на пляже... Мм!..

– Звучит заманчиво, – отозвался Джоэл, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимость и не выдать своих тайных надежд. – От такого приключения никто не откажется!

Майкл каждое лето возил своих друзей погостить к себе, но Джоэлу так ни разу и не посчастливилось получить приглашение на этот праздник жизни.

Быть может, на этот раз? По окончании этого учебного го-

да?.. А чем черт не шутит? Разве они не проводили с Майклом все время после школы? Разве Джоэл не помогал Майклу с математикой, когда тому требовалось объяснить то или иное правило? В последнее время они отлично ладили...

– Слушай, Джоэл... – Майкл переминался с ноги на ногу. – В общем, я чего хочу сказать... С тобой классно зависать здесь... В кампусе, понимаешь? Но у меня дома так не получится – там совершенно другой мир. Я буду все время с семьей. Отец нагородил уже столько планов!

– Да, конечно, я понимаю, – отозвался Джоэл.

Майкл улыбнулся, напряженные черты лица разгладились – его душевных треволнений как не бывало. Истинный сын политика!

– Я в тебе не сомневался! – сказал он и хлопнул друга по плечу. – Ну, бывай!

Джоэл посмотрел, как Майкл потрусил прочь. Столкнувшись с Мэри Айзенхорн, он тут же начал флиртовать. Отец девушки владел огромным заводом по производству пружин. Стоя на перекрестке, Джоэл успел опознать с десятков отпрысков элитных семейств. Вот Адам Ли – напрямую связан с императором Чосона. Вот Джеоф Гамильтон – родословная насчитывает аж трех президентов. Вот Уэнда Смит – родители владеют доброй половиной хозяйств по разведению крупного рогатого скота в Джорджиабаме.

А вот Джоэл... Сын меловых дел мастера и уборщицы. Что ж, похоже, он опять проведет все лето вместе с Дэвисом

в кампусе. Джоэл вздохнул и направился в канцелярию Армедиуса.

* * *

Двадцать минут спустя Джоэл уже спешил обратно через кампус, чтобы успеть за время перерыва разнести корреспонденцию. Почти все студенты разошлись по аудиториям, и дорожки пустовали.

Получив в приемной на доставку всего три письма, Джоэл приободрился, и его подавленность разом улетучилась. С корреспонденцией он справился быстро, осталось еще свободное время, а это означало, что...

Джоэл сжал четвертое послание в кармане. Эту записку, никому не сказавшись, он составил сам... И сам себе поручил отнести! Благодаря его собственной расторопности времени высвободилось достаточно, чтобы добежать до одного из лекционных корпусов рифматистов – зала защитных искусств.

Защищаться студентов учил профессор Фитч, и послание Джоэла предназначалось именно ему. Писал он его не без треволнений. Приближаясь к лекционному залу, Джоэл с каждой секундой все больше переживал и теребил в кармане бумажку.

«Вряд ли мне еще представится такая возможность... – думал он, стараясь успокоить расшалившиеся нервы. – С

другой стороны, Фитч спокойный, вежливый человек, и для беспокойства нет повода».

Джоэл взбежал на высокое крыльцо серого кирпичного здания, увитого диким виноградом, скользнул за дубовую дверь и оказался на галерке лекционного зала. Помещение представляло собой небольшой амфитеатр с рядами обитых плюшем сидений, откуда как на ладони виднелась кафедра лектора. На побеленных стенах тут и там висели схемы защитных окружностей.

Когда Джоэл вошел в аудиторию, несколько студентов оглянулось, однако Фитч и ухом не повел. На посыльных из канцелярии он редко обращал внимание. Обычно Фитч говорил без умолку и только в самом конце лекции примечал среди студентов чужака. Джоэл ничуть не возражал, ему это было только на руку. Недолго думая, он уселся на ступеньки и стал с жадностью внимать. Как оказалось, он попал на лекцию, посвященную защите Истона.

– ...Вот почему эта защита – лучшее, что можно придумать, когда вы подвергаетесь агрессивному натиску сразу с нескольких флангов, – вещал Фитч с кафедры, обратив длинную красную указку на большой круг, нарисованный на полу.

Аудитория походила на арену с рядами восходящих по кругу зрительских рядов, благодаря чему каждый студент мог разглядеть вычерченные внизу рифматические схемы.

Фитч провел указкой по линиям запрета, закрепленным

на окружности точками привязки.

– Отличительной чертой защиты Истона является немалое число окружностей меньших размеров, расположенных в точках привязки. Под немалым я подразумеваю число девять. Нарисовать девять окружностей в условиях скоротечного боя задача отнюдь не тривиальная, однако, если вам это удастся, ваши труды не пропадут втуне. Эти девять окружностей сослужат вам хорошую службу и откроют широкие возможности для защиты. Как вы и сами видите, линии запрета образуют неправильный нонагон. Они призваны стабилизировать вашу заградительную окружность. Однако чем меньше этих линий, тем больше у вас пространства для маневра. Кроме того, если вы придерживаетесь мнения, что лучшая защита – это нападение, то всегда можете использовать точки привязки для создания армии меллингов.

«А как же линии силы? – гадал Джоэл. – Как противостоять линиям силы?»

Он счел за благо не привлекать внимания. Фитч, чего доброго, еще спросит про записку, и тогда у Джоэла не останется предлога посидеть до конца лекции. Джоэл слушал да помалкивал. Вряд ли в канцелярии в ближайшее время его хватятся.

Джоэл весь подался вперед, желая услышать от кого-нибудь из студентов мучивший его в ту минуту вопрос, однако про линии силы никто даже и не подумал заикнуться. Юные рифматисты и рифматистки сидели развалясь на своих ме-

стах и не проявляли никакого интереса. Все были одеты в одинаковые серые джемперы, белые слаксы или юбки, призванные скрыть вездесущую меловую пыль.

Профессор же носил плотный бордовый сюртук до пят с прямыми накрахмаленными манжетами. Фитч застегивал его под самый подбородок, однако из-под воротника виднелись белые лацканы костюма. Сюртук был скроен на военный лад: четкие линии, погоны на плечах – не хватало только знаков отличия. Однако бордовый цвет уже сам по себе был знаком – такой сюртук мог носить лишь признанный профессор рифматики.

– Именно поэтому защита Кеблина в большинстве случаев уступает защите Истопа, – улыбнулся Фитч, поворачиваясь к аудитории.

Профессор был в годах, о чем свидетельствовали седина на висках и тщедушное телосложение. Спасал старика только сюртук, придававший ему чрезвычайно солидный вид.

«Понимаете ли вы, как вам повезло?..» – мысленно спрашивал Джоэл, оглядывая бездельничающих студентов.

Юношам и девушкам в аудитории, как и самому Джоэлу, было по пятнадцать лет. Некоторым уже стукнуло шестнадцать. Несмотря на возраст и столь благородное призвание, вели они себя как дети. Ну, или в лучшем случае – как подростки.

Дисциплина на занятиях профессора Фитча хромала. Многие этим пользовались и на лекцию не обращали совершенно никакого внимания: либо перешептывались, либо, полулежа на своих плюшевых креслах, созерцали потолок. Несколько человек рядом с Джоэлом и вовсе спали. Он поймал себя на мысли, что не знает ни одного из собравшихся здесь студентов по имени. Джоэл не раз пытался завязать разговор, однако все его попытки они пресекали на корню.

Убедившись, что вопросов у аудитории нет, Фитч опустился на колени, прижал мелок к нарисованному кругу и закрыл глаза. Несколько секунд спустя белая пыль взвихри-

лась и развеялась.

– Что ж... – сказал он, отрывая мелок от пола. – Если вопросов нет, давайте обсудим защиту Истона и способы ее преодоления. Наиболее внимательные из вас наверняка заметили, что я ни словом не упомянул линии силы. Сделал я это нарочно, ибо говорить о них лучше с точки зрения нападающего. Если бы мы...

Дверь лекционного зала с грохотом распахнулась – брови профессора взлетели вверх. Не выпуская мелка из пальцев, Фитч поднялся на ноги и обернулся.

Вспокоив своим внезапным появлением сонных студентов, в аудиторию решительно вошел высокий мужчина. Ладно скроенный серый сюртук, застегнутый до самого подбородка, свободно ниспадал к ногам и выдавал в незнакомце профессора рифматики невысокого ранга. Этого молодого человека с белоснежной шевелюрой и энергической походкой Джоэл видел впервые.

– Чем обязан?.. – спросил Фитч.

Незнакомец спустился на кафедру, обошел профессора, повернулся к нему лицом, преклонил колено, выхватил и упер в пол красный мелок.

Студенты зашептались.

– Что случилось?.. – заволновался Фитч. – Неужто я опять заговорился и не услышал боя часов? Прошу меня простить, если занял ваше лекционное время!

– Отнюдь, профессор, – отозвался незнакомец, поднимая

взгляд (лицо мужчины излучало самодовольство, хотя Джоэлу могло лишь показаться). – Я вызываю вас на дуэль.

Как громом пораженный, Фитч не вдруг пришел в себя.

– Я... Вот те на... – заламывая руки, он нервно облизал губы. – А как... Я не уверен, как... то есть, что мне нужно делать. Я...

– Приготовьтесь чертить, профессор, – скомандовал незнакомец.

Похлопав глазами, Фитч нерешительно опустился на колени и дрожащей рукой прижал мелок к полу.

– Это Эндрю Нализар, – шепнула девочка невдалеке от Джоэла. – Сюртук профессора он заслужил всего три года назад в академии Мэйнфорда. Говорят, последние два года он зарабатывал на жизнь боями на Небраске!

– Красавец!... – отозвалась подружка, вращая между пальцев мелок.

Тем временем мужчины внизу бросились чертить. Взволнованный Джоэл весь подался вперед. Никогда прежде ему не доводилось видеть настоящей дуэли между профессорами рифматики! Схватка, похоже, обещала быть не менее зрелищной, чем сражения на турнирах «Дуэлянта»!

Первым делом Фитч очертил себя заградительной окружностью. По правилам поединок заканчивался, когда одному из оппонентов удавалось пробить в круге брешь. Профессор принялся отрисовывать девять кружков – по одному на каждой точке привязки своей окружности. Почему он выбрал

защиту Истона, оставалось только гадать. Вероятно, потому, что только дочитал о ней лекцию.

Не самый разумный выбор для дуэли. Это было понятно и Джоэлу, который почувствовал даже легкое разочарование. Возможно, поединок окажется не таким уж зрелищным. Защиту Фитч начертил идеально, однако выглядела она чересчур перегруженной элементами. И немудрено, ведь защиту Истона предполагалось использовать, когда враг наступал со всех сторон.

Пока Фитч выводил линии запрета, Нализар набросал видоизмененную быструю защиту Баллинтайна с базовым усилением и перешел в агрессивное наступление меллингами.

Меллингов рифматисты рисовали при помощи линий со-зидания. Редкая атака на дуэли обходилась без их участия, и сейчас меллинги появлялись из-под мелка Нализара с невероятной скоростью и легкостью. Его меллинги выглядели как маленькие драконы. Как и положено драконам, у них имелись крылья и длинная змеящаяся шея. Стоило Нализару оторвать мелок от пола, как первый меллинг ожил и полетел на Фитча.

В воздух этот дракон о двух измерениях не взмыл. Что, впрочем, было вполне ожидаемо, поскольку меллинги являлись собой лишь совокупность линий. Битвы рифматистов разворачивались на полу – это были сражения на рисованных мелом линиях.

Между тем руки Фитча ходили ходуном. Невидящим взо-

ром профессор нервно поглядывал то на свой круг, то на круг Нализара. Когда из-под мелка Фитча появился вдруг неровный малый круг, Джоэл вздрогнул. Непростительная ошибка для столь солидного специалиста. Этот набросок был лишь жалким подобием того чертежа, на котором Фитч несколькими минутами ранее объяснял студентам защиту Истона. Прорвать брешь в таких неровных дугах проще простого. Помедлив, Фитч с сомнением оглядел свое неудавшееся творение, и на лице его отразилось смятение.

«Соберитесь, профессор! – сжал кулаки Джоэл. – Вы ведь способны на гораздо большее!»

Когда второй дракон Нализара полетел на Фитча, тот опомнился, собрался с мыслями, и мелок снова застучал по полу. Студенты в аудитории притихли. Даже те, кто еще недавно дремал, теперь подались вперед, чтобы лучше видеть происходящее.

Фитч породил в ответ линию силы. Только мелок оторвался от пола, как длинная волнистая линия выстрелила и поразила одного из меллингов Нализара. Взрыв взметнул вихрь меловой пыли, и дракона ополовинило. Извиваясь, летучий змей закружился и полетел в противоположном направлении.

В аудитории раздавались лишь стук мелков да быстрое захлебывающееся дыхание Фитча. Дуэльные страсти разгорались не на шутку. Джоэл от волнения закусил губу. Профессор возводил защиту гораздо более крепкую, нежели Нали-

зар, однако он слишком торопился и оставлял много уязвимых мест. Между тем его соперник, не обремененный защитными элементами, агрессивно наступал. Фитч, хоть и старался изо всех сил, за оппонентом поспевал с трудом. Не покладая рук он чертил линии силы, чтобы отстреливаться от устремлявшихся на него меллингов. Однако сколько бы он их ни истреблял, на смену тут же появлялись новые – в еще большем количестве.

Нализар был хорош. Один из лучших рифматистов, кого Джоэлу доводилось видеть. И хотя напряжение нарастало, движения Нализара оставались плавными и размеренными. Он рисовал меллингов одного за другим, совершенно не беспокоясь о тех, кого Фитч обращал в пыль. При всем уважении к профессору, Джоэл попросту не мог не восхититься техникой Нализара.

«Похоже, руку он так набил на Небраске... – подумал Джоэл, припоминая слова студентки. – Не иначе как в сражениях с дикими меллингами. Под таким давлением хочешь не хочешь, а будешь быстро рисовать!»

Невозмутимый Нализар между тем создал несколько пауков и отправил их по периметру, принуждая Фитча приглядывать еще и за флангами, а затем начал бомбардировать его линиями силы. Змеясь и вибрируя, линии устремлялись через пол и взрывались клубами меловой пыли, когда находили цель.

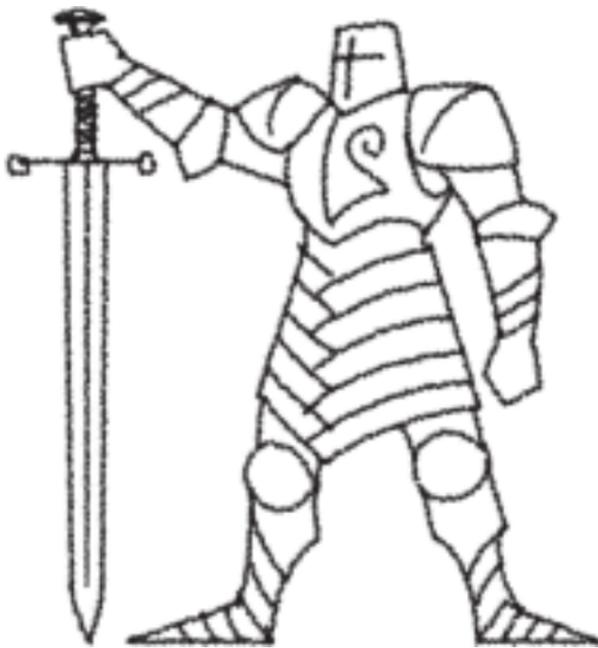
Наконец-то и Фитчу удалось нарисовать меллинга. Из-под

мелка профессора на свет появился тщательно прорисованный рыцарь. Фитч тотчас же привязал его к малому кругу. Джоэл поразился, как профессору за столь малое время удалось сотворить такое чудо. Рыцарь и в самом деле вышел на славу: невероятной детализации доспех и двуручный меч – ни дать ни взять шедевр! Против такого защитника у наспех состряпанных драконов Нализара не было ни единого шанса.

Создав рыцаря, Фитч выиграл время и перешел в наступление. Он принялся чертить одну за другой линии силы и заставил соперника перейти в оборону. Нализару ничего не оставалось, как начать рисовать в ответ меллингов-защитников. Эти бесформенные существа рождались, чтобы тут же умереть. Они бросались на линии силы и жертвовали собой, ограждая защитный круг своего хозяина от повреждений.

Взад и вперед по полу летали красные и белые волнистые линии; металась, уничтожая друг друга и поднимая посреди аудитории настоящую меловую бурю, армии меллингов. Существа обращались в пыль, линии силы врезались в линии запрета и вырывали куски из заградительных окружностей. Оба рифматиста яростно чертили и рисовали, ни на секунду не останавливаясь.

Завороженный Джоэл поднялся и невольно шагнул на ступеньку вниз. Разглядев искаженное гримасой лицо Фитча, он замер на месте. Профессор был в ужасе.

Оба рифматиста продолжали чертить, однако Джоэл в один миг потерял к схватке всякий интерес. Перед взором стояла перекошенная физиономия Фитча. Градом капившийся по лицу пот, тревога в глазах профессора, исступленно-судорожные движения его рук рассказали Джоэлу о многом.

Вся тяжесть осознания происходящего обрушилась на Джоэла. Эта дуэль была не тренировки или забавы ради... Отнюдь! Фитч отстаивал свою честь, свое право занимать должность старшего профессора. Нализар пытался оспорить авторитет Фитча. И если ему удастся...

Одна из красных линий силы врезалась в заградительную дугу Фитча и едва не пробила в ней брешь. В мгновение ока все до единого меллинги Нализара устремились к поврежденному сектору круга.

Ошеломленный Фитч замер всего на секунду, однако стоила она ему дорого. В следующий миг он бросился исправлять ситуацию, но время было упущено: всех меллингов Нализара он остановить не мог. Прорвав оборону рыцаря, один из драконов Нализара принялся яростно терзать поврежденную дугу, все сильнее деформируя защиту профессора.

Фитч стал второпях рисовать второго рыцаря, когда дракон вдруг прорвал границу его заградительного круга.

– Нет!.. – вскричал Джоэл, невольно делая еще один шаг вниз.

Нализар ухмыльнулся, оторвал мелок от пола, выпрямился и сдул меловую пыль с ладоней. Между тем Фитч никак не мог остановиться.

– Профессор!.. – окликнул его Нализар. – Профессор!

Фитч замер и только тогда заметил меллинга, продирающегося через заградительную линию. Дракон не оставлял попыток разгрызть брешь, чтобы добраться до центра окружности. Будь это настоящая битва, меллинг, ворвавшись в круг, непременно напал бы и на рифматиста, однако на дуэли бой заканчивался, как только в защите появлялась брешь.

– Ох!.. – воскликнул Фитч, опуская руки. – Вот дела!.. Вижу...

Ошалевший профессор обернулся, окинул взглядом пол-

ную студентов аудиторию и сказал:

– Ну что ж... тогда мне пора.

Старик принялся собирать книги и конспекты. Джоэл, ослабев, опустился на каменные ступени. В руке он по-прежнему сжимал свое письмо.

– Профессор, – произнес Нализар, – а сюртук?

Фитч растерянно оглядел себя и воскликнул:

– Ах да!.. Разумеется...

Он расстегнул длинный бордовый сюртук, сбросил его с плеч и остался в рубашке, жилетке и брюках белого цвета, разом потеряв свой солидный вид. Профессор помедлил, держа сюртук, а затем положил его на лекторский стол, подхватил книги и покинул аудиторию. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Потрясенный Джоэл остался сидеть на ступенях. Несколько студентов робко зааплодировали. Остальные с широко раскрытыми глазами смотрели на кафедру. Было очевидно, что большинство не знает, как и реагировать.

– Итак! – отрывисто сказал Нализар. – Последние дни этого семестра занятия у вас буду вести я. Летний факультатив, запланированный Фитчем, также буду вести я. До меня дошли слухи о вопиющей неуспеваемости среди студентов Армедиуса и вашей группы в частности. Зарубите себе на носу – разгильдяйства я не допущу! Эй, ты! Там, на ступеньках!

Джоэл поднял взгляд.

– Что ты там делаешь? – требовательно спросил Нали-

зар. – Где твоя униформа?..

– Сэр, я не рифматист, – отозвался Джоэл, поднимаясь на ноги. – Я с общеобразовательного потока.

– Что, прости? Тогда что ты делаешь в моем классе, черт возьми?

«В твоём классе?.. Это класс Фитча! Или, по крайней мере, был его класс...»

– Ну так что? – не унимался Нализар.

– Сэр, я с посланием для профессора Фитча, – отвечал Джоэл.

– Так давай его сюда! – скомандовал Нализар.

– Лично в руки профессору Фитчу. – Джоэл сунул записку в карман. – Учебного процесса это не касается.

– Тогда до свидания! – отмахнулся Нализар и принялся рассеивать меллингов.

Красная пыль, оседая на пол, выглядела точно кровь.

Попятившись, Джоэл развернулся, взбежал по ступеням и выскочил за дверь. По лужайке сновали студенты, многие были в облачении рифматистов – серый верх, белый низ. Один человек среди них выделялся. Джоэл стремглав спустился по лестнице, пересек идеально подстриженный газон и нагнал профессора. Ссутулившись над стопкой книг и конспектов, Фитч ковылял прочь.

– Профессор?..

Пожилой мужчина вздрогнул и обернулся. Для своих лет Джоэл был роста весьма выдающегося, и профессору при-

шло смотреть на него снизу вверх.

– А?.. Что случилось?

– Вы в порядке?

– Поди ж!.. Кого я вижу? Никак сын меловых дел мастера?

Как дела, парень? И почему ты не на занятиях?

– У меня перерыв, – сказал Джоэл, забирая у Фитча пару книг, дабы облегчить ношу. – Профессор, с вами точно все в порядке? То, что произошло в аудитории...

– Ты все видел? – понурился Фитч.

– Разве вы не можете поправить свои дела? – спросил Джоэл. – Нельзя вот так взять и отдать этому выскочке студентов! Может, стоит переговорить с ректором Йорком?

– Нет-нет, что ты! – воскликнул Фитч. – Это будет попросту неприлично. Право бросить вызов – высококочтимая традиция. Так сказать, один из столпов, на которых зиждется культура рифматистов.

Джоэл вздохнул, опустил взгляд и вдруг вспомнил о записке в кармане. В послании он просил Фитча взять его на летний факультатив, чтобы попробовать свои силы в рифматике. Научиться всему, на что ему только достанет способностей.

Однако теперь, когда Фитча вынудили освободить должность главного профессора, Джоэл оказался в полнейшей растерянности. Как быть? И что делать с запиской? Более того, он даже не знал, может ли профессор вообще брать под покровительство студентов-нерифматистов. На ум пришла

мысль, от которой ему стало совестно. А вдруг, если Фитч не сможет преподавать, у него появится время для таких, как он?

Джоэл было вытянул из кармана послание, чтобы вручить профессору, когда заметил на лице того горечь поражения, и в последнюю секунду передумал.

«Сейчас явно не лучшее время для подобных просьб...» – подумал Джоэл.

– Я должен был предвидеть! – сокрушался Фитч. – Этот Нализар!.. Я ведь еще на прошлой неделе, когда мы только рассматривали его кандидатуру на должность младшего профессора, подумал, что этот юноша непомерно честолюбив! В Армедиусе десятилетиями не было дуэлей! И вот те на!..

– И что вы теперь будете делать? – спросил Джоэл.

– Ну-у... – протянул Фитч, шагая по дорожке под сенью красного раскидистого дуба. – По традиции я должен занять место Нализара, а его наняли, чтобы подтянуть отстающих. Полагаю, теперь эта забота ляжет на мои плечи. Буду думать, что все, что ни делается, – все к лучшему! Кто знает, быть может, оказавшись подальше от аудитории, я наконец обрету душевный покой!

Помедлив, Фитч оглянулся на лекционный зал рифматистов. Здание имело форму параллелепипеда, но выглядело притом весьма эстетично. Вероятно, благодаря фасаду, овитому виноградными лозами и украшенному ромбовидным орнаментом из серого кирпича.

– Да... – наконец сказал Фитч. – Вполне может статься, что читать лекций в этом зале мне больше не доведется!

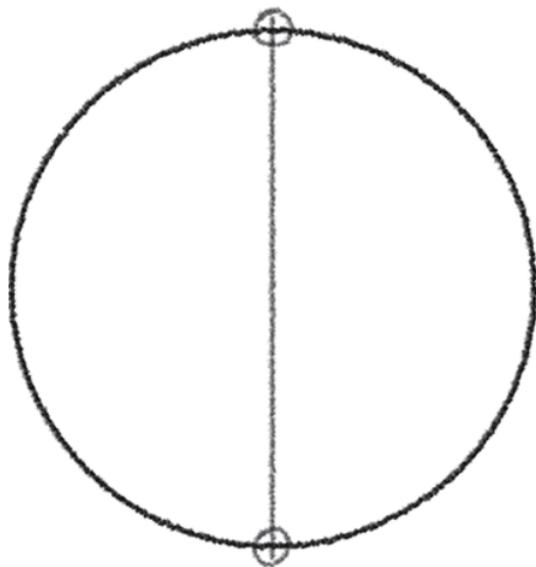
Он не сдержался и всхлипнул.

– Прошу меня извинить! – Профессор вжал голову в плечи и поспешил уйти прочь.

Джоэл вскинул руку, чтобы остановить Фитча, но решил, что лучше не стоит. Под мышкой осталась пара книг профессора. Помедлив, Джоэл вздохнул и взял курс на канцелярию кампуса.

– Да уж!.. – тихонько воскликнул он, шагая по лужайке и вновь возвращаясь мыслями к измятому посланию в кармане брюк. – Беда!

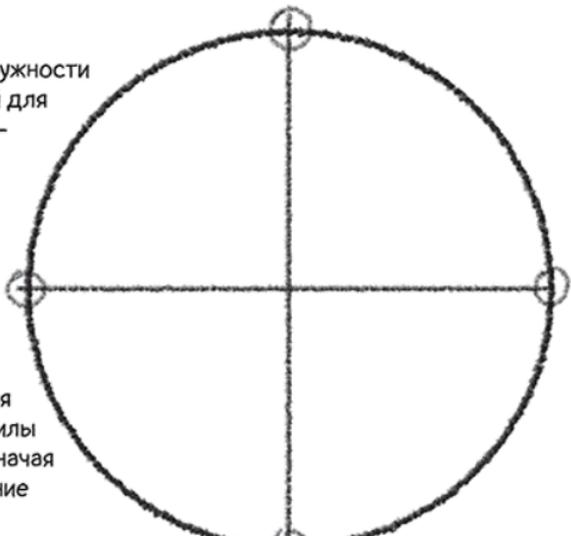
ДВУХТОЧЕЧНАЯ И ЧЕТЫРЕХТОЧЕЧНАЯ ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОКРУЖНОСТИ

В заградительную окружность можно вписывать линии запрета. Они придают ей устойчивость. Линии запрета обычно фиксируются точками привязки.

Любая заградительная окружность может иметь две, четыре, шесть и девять точек привязки в зависимости от их расположения на линии окружности.

Начертание двухточечной окружности является простейшей задачей для рифматиста. Точки привязки — это противоположные друг другу точки, которые возникают при пересечении линии окружности и линии запрета. На практике ни точки, ни вспомогательные линии не чертятся. Вместо них рифматисты используют точки привязки для начертания касательных запрета, линий силы и созидания, тем самым обозначая для себя их месторасположение на линии окружности.

Глава 02

Канцелярия кампуса располагалась в небольшой долине, разделявшей студенческий городок на две части – рифматическую и общеобразовательную. Канцелярия, как и почти все здания кампуса академии Армедиуса, была выстроена из кирпича – правда, не серого, а красного. Высотой всего в один этаж, строение могло похвастать множеством окон, чего так недоставало учебным классам. Джоэл все время гадал,

отчего это клеркам можно любоваться просторами, а студентам – нет? Складывалось ощущение, будто администрация не желает, чтобы студенты взглядывали на свободу, пускай даже одним глазком.

– ...по слухам, он собирается бросить вызов всем, кому только можно, – услышал Джоэл, переступая порог канцелярии.

Говорила конторщица Флоренс. Вместо того чтобы сидеть за своим дубовым столом, она сидела на нем и болтала с коллегой, Экстоном. Этот упитанный молодой человек, как и всегда, был одет по последней моде: брюки, жилетка, бабочка и подтяжки. Шляпа-котелок висела на гвоздике у стола. Флоренс же щеголяла в желтом весеннем сарафане.

– Вызов?.. – не поднимая взгляда и продолжая царапать пером, переспросил Экстон (Джоэл не знал второго человека, кто мог бы писать и одновременно поддерживать беседу). – Давненько я не слыхал ничего подобного!

– О чем и речь! – поддакнула Флоренс.

Девушка была еще совсем юной. В свои двадцать с небольшим выскочить замуж она еще не успела. Некоторые профессора-ортодоксы немало возмутились, когда ректор Йорк вдруг нанял женщину в клерки, однако подобное теперь случалось сплошь и рядом. В ответ консерваторам все чаще звучала фраза: «Добро пожаловать в двадцатый век! Либо меняешься ты, либо меняют тебя». Йорк же заявил, что если рифматисткам дозволяется сражаться за Небраску и сам мо-

нарх доверяет женщине составлять свои публичные речи, то почему бы и ему, ректору академии, не нанять в конторские служащие девушку?

– Когда война на Небраске только разгоралась, вызовы друг другу бросали все кому не лень, – произнес Экстон, все так же скрипя пером. – Каждый выскочка, едва заполучив сюртук рифматиста, мечтал скорее возвыситься над остальными. Смутное было времечко!

– Гм... – отозвалась Флоренс. – А ведь он не только амбициозен, но еще и очень красив.

– Кто?..

– Профессор Нализар, кто ж еще?!.. – воскликнула Флоренс. – Я была этим утром в кабинете у ректора Йорка, когда он пришел сообщить о дуэли. Так и заявил с порога: «Ректор, считаю нужным уведомить вас, что совсем скоро займу должность штатного профессора рифматики».

– И что ему на это ответил Йорк? – усмехнулся Экстон.

– Скажу так: он был явно не в восторге. Попытался отговорить Нализара, но тому хоть кол на голове теши!

– Представляю себе картину! – отозвался Экстон.

– Разве тебе не интересно, кому он собирается бросить вызов? – спросила Флоренс и подмигнула Джоэлу, которого только заметила.

– Пожалуй, придется полюбопытствовать, ведь иначе ты не дашь мне спокойно поработать, – откликнулся Экстон.

– Нализар собирается бросить вызов профессор Фитчу, –

сказала Флоренс.

Перо Экстона замерло. Наконец он оторвал взгляд от своих трудов и переспросил:

– Фитчу?..

Флоренс кивнула.

– Ну что ж... удачи! – усмехнулся Экстон. – Фитч лучший рифматист в академии. Он разорвет этого выскочку в клочья быстрее, чем осядет меловая пыль.

– Нет, уже не разорвет, – сообщил Джоэл. – Фитч проиграл.

В комнате повисла тишина.

– Что ты сказал?.. – переспросила Флоренс. – Откуда тебе знать?

– Я видел схватку собственными глазами, – сказал Джоэл, подходя к конторской стойке.

В глубине приемной виднелась дверь в кабинет ректора академии.

– Молодой человек, – Экстон качнул пером в сторону Джоэла, – я точно помню, что посылал вас с поручением в корпус гуманитарных наук.

– Это поручение я выполнил, – отрапортовал Джоэл. – И все остальные тоже. А в аудиторию Фитча заскочил на обратном пути.

– На обратном пути? Так ведь лекционный зал Фитча находится на противоположной стороне кампуса! Совсем не по пути!..

– Ой, Экстон, все! – перебила его Флоренс. – Ну, увлечен парень рифматистами, что с того? Тут чуть ли не весь студенческий городок сходит по ним с ума!

Она улыбнулась Джоэлу. Временами казалось, будто Флоренс вступает за него с одной только лишь целью – досадить Экстону. Она знала, как подобные разговоры раздражают коллегу, и не упускала ни единой возможности его поддеть.

– Полагаю, я не могу винить человека за то, что он тянется к знаниям и потому пытается прокрасться в аудиторию... – проворчал Экстон, вновь взглядывая в конторскую книгу. – Грех жаловаться, когда у меня полно хлопот с бездельниками, не желающими посещать занятия вовсе! Однако, если хотите знать мое мнение... Я скажу, что увлечение этими треклятыми рифматистами, парень, до добра тебя не доведет!

– Не будь таким занудой! – отмахнулась Флоренс. – Джоэл вроде сказал, что Фитч уже проиграл дуэль?

Тот кивнул.

– И что это означает для профессора?

– Они поменяются местами с Нализаром, – пояснил Экстон. – Фитч станет младшим профессором и потеряет свой бессрочный контракт с академией. Он сможет вызвать Нализара на поединок только через год. Кроме того, в течение этого года никто другой не бросит вызов ни тому ни другому.

– Вот бедалага! – воскликнула Флоренс. – И почему мир

так несправедлив?! Я думала, эта дуэль для престижа. Только чтобы потешить самолюбие...

Экстон ничего не ответил, продолжая корпеть над конторской книгой.

– Что ж... – сказала Флоренс. – Каким бы этот мистер Нализар красавчиком ни слыл, я все больше в нем разочаровываюсь. А Фитч такой душка и так любит свой предмет!

– Переживет, – ответил Экстон. – В конце концов, вашей его отсюда никто не гонит. Джоэл, если я правильно понял, ты торчал в аудитории Фитча до самого конца и видел дуэль целиком?

Джоэл неопределенно пожал плечами.

– И как она прошла? – спросил Экстон. – Достоин Фитч постоял за себя?

– Да, он был хорош, – кивнул Джоэл. – Существо он рисовал на загляденье! Фитч просто... Похоже, у него нет опыта в настоящих дуэлях.

– Ну что за варварство!.. – возмутилась Флоренс. – Они же академики, а не гладиаторы!

Экстон выдержал паузу, а затем прямо посмотрел на Флоренс поверх очков.

– Дорогая Флоренс, – заговорил он. – Помяни мое слово, нас ждет еще не одна подобная дуэль. Возможно, благодаря сегодняшним событиям заносчивые рифматисты вспомнят о своем долге. Если Небраск падет...

– Ой, все! Хватит с меня страшилок, Экстон!.. – восклик-

нула Флоренс. – Все эти байки придумали политики, чтобы мы не расслаблялись.

– О да... – закатил глаза Экстон. – По-моему, ты говорила, что у тебя куча работы?

– У меня перерыв, дорогуша! – парировала Флоренс.

– Мне кажется, или ты специально устраиваешь свои перерывы именно тогда, когда мне надо закончить важное дело?

– Полагаю, ты просто не умеешь рассчитывать время, – сказала Флоренс, подхватила со стола деревянный контейнер и извлекла оттуда сэндвич с ветчиной и кимчи.

Джоэл глянул на часы в углу – до следующего занятия оставалось пятнадцать минут. Слишком мало, чтобы его отправили выполнять еще одно поручение.

– Что-то я переживаю за профессора Фитча, – сказал Джоэл.

Он не отводил взгляда от циферблата и затейливого механизма напольных часов, которые венчала заводная сова. Время от времени она моргала, а с приближением нового часа начинала скрести когтями, а затем ухала под бой курантов.

– Перестань! Ты сгущаешь краски. Все у него будет тип-топ, – заверил Экстон. – Думаю, ректор Йорк его в беде не оставит. Отрядит профессору пару студентов, чтобы тот мог наконец вздохнуть свободнее. Фитч и сам, наверное, не прочь удалиться от всей этой суеты и взять отпуск.

«Не прочь?.. – подумал Джоэл. – Да бедняга раздавлен!»

– Фитч гений, – сказал он вслух. – Никто в академии не способен преподавать защиту на таком уровне! У Фитча комплексный подход!

– Подход настоящего ученого, – констатировал Экстон. – Быть может, даже ученого-фанатика! Нализар, вероятно, лучше впишется в роль профессора рифматики. Я слышал, что от некоторых лекций Фитча... у студентов малость ум за разум заходит.

– Нет, Фитча никому не заменить, – возразил Джоэл. – Он умеет доходчиво объяснять и при этом не почитает студентов за дураков, чем грешат, например, Говардс или Сильверсмит.

– Сдается мне, я слишком мало тебя нагружаю! – усмехнулся Экстон. – Хочешь снова навлечь на меня проблемы с профессорами рифматики?

На это Джоэл промолчал. Профессора ясно дали понять, что не желают, чтобы посторонние присутствовал на их лекциях и мешали занятиям. Фитч с его попустительским отношением к дисциплине был единственным, кто негласно позволял Джоэлу слушать лекции. Кто знает, быть может, такая возможность ему больше никогда не представится! От одной этой мысли у Джоэла все внутри сжималось.

Однако слова Экстона зажгли в его душе надежду. Если под начало Фитча и в самом деле отдадут нескольких студентов, отчего бы Джоэлу не стать одним из них?

– Джоэл, дорогуша, – ополовинив сэндвич, сказала Флоренс. – Утром я говорила с твоей мамой. Она просила поторопить тебя с подачей документов на летний факультатив. Ты уже выбрал что-нибудь?

Джоэл поморщился. Как сын меловых дел мастера он имел кое-какие преимущества проживания при кампусе. Самым значительным из них было бесплатное обучение. Правда, это право он получил только после смерти отца.

Имелись, однако, и кое-какие недостатки. Многие служащие, такие как Экстон и Флоренс, также состояли при академии на полном пансионе. Согласно трудовому договору, конторские служащие могли рассчитывать на комнату и питание. Джоэла они знали с пеленок, а он по мере взросления был вынужден созерцать их лица изо дня в день. Все это означало, что они не только хорошо знали его мать, но и были с ней дружны.

– Я в процессе, – сказал Джоэл, думая о послании к Фитчу.

– Последний день семестра не за горами, дорогуша, – заметила Флоренс. – Так ведь можно и вовсе пролететь с факультативом! Кроме того, на этот раз ты можешь выбрать что-то на свой вкус, а не просиживать штаны в классе с отстающими. Разве не здорово?

– Конечно, здорово...

На летние каникулы большинство студентов разъезжались по домам. Те, кто оставался в кампусе, посещали один из факультативов, занимавший первую половину дня. В случае

если успеваемость оставляла желать лучшего, факультатив выбирать не приходилось: нерадивых учеников направляли в класс коррекции. Рифматистам в этом плане повезло больше: хотя при академии они жили круглый год, их факультатив, по крайней мере, оставался всегда неизменным. Летом они все так же занимались рифматикой.

– Хоть какие-нибудь мыслишки имеются? – не унималась Флоренс.

– Имеются...

– Дорогуша, факультативы не резиновые! А желающих пруд пруди! – воскликнула Флоренс. – В спортивно-физкультурном классе осталось несколько мест... Хочешь, запишу тебя?

Все три месяца стоять на поле и смотреть, как вокруг мечутся студенты, пиная друг в друга мяч? Притворяться, будто игра ему интересна? Нет, футбол рифматике и в подметки не годится!

– Нет, спасибо.

– Что же тогда?..

«Математика не так уж скучна... Литература как будто не обещает сильных мучений... – размышлял Джоэл. – Однако ни одна дисциплина не сравнится с обучением у Фитча!»

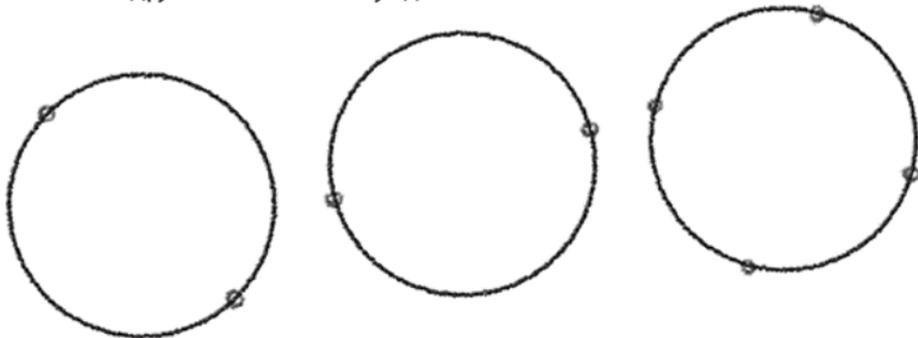
– Я определюсь сегодня вечером, – пообещал Джоэл, взглядывая на часы. – Пора идти на занятие.

Положив пару томиков Фитча поверх своих учебников, он забрал стопку книг из угла и покинул здание канцелярии

прежде, чем Флоренс принялась бы давить на него с новой силой.

ТОЧКИ ПРИВЯЗКИ, ОКРУЖНОСТИ И ПРОЧИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Многие ошибочно полагают, будто окружность необходимо ориентировать одной из точек привязки на север или по направлению к противнику. И то и другое является заблуждением.

Еще раз обратите внимание: рифматист не должен помечать точки привязки на линии окружности. На эскизах они представлены для ясней наглядности.

Касательные к окружности и прочие рифматические линии следует чертить лишь в точках привязки, иначе будет страдать общая целостность оборонительного круга. Допуская подобные ошибки, неопытные рифматисты подвергают себя дополнительному риску, поскольку заградительная линия в таких местах

Верная привязка малой окружности

Глава 03

История в тот день пролетела незаметно: повторяли материал к экзамену, который должен был состояться на следующий день. Сразу после занятия Джоэл отправился на урок математики – последний в этом году. Текущий семестр был посвящен геометрии.

К математике Джоэл испытывал смешанные чувства. К геометрии, например, он проявлял живейший интерес. Ина-

че и быть не могло, ведь эта наука лежала в основе рифматики. Восхищала его и история геометрии: от Евклида и древних греков до монарха Грегори и зарождения рифматики.

Однако помимо геометрии на математике было много рутины – бесконечные задачи, от которых хотелось только зевать.

– Сегодня мы повторим формулы площади фигур, – объявил профессор Лейтон классу.

Отлично! Те самые формулы, которые он запомнил наизусть едва ли не прежде, чем выучился ходить. Джоэл прикрыл глаза и застонал. Сколько раз можно повторять одно и то же?

Однако профессор Лейтон не позволил студентам бездельничать, даже несмотря на то, что почти вся семестровая программа была пройдена, а экзамен сдан. В последнюю неделю перед летними каникулами он заставил их вспомнить все, что они изучили за год, притом спуску не давал никому.

Нет, честно, кто в здравом уме будет повторять материал уже после экзамена?..

– Но занятие мы начнем с конических сечений! – сказал Лейтон.

Профессор был крупным и полноватым. Джоэлу всегда казалось, что ему должно быть физкультурным тренером, а не профессором математики. А какие он толкал воодушевляющие речи!

– Припоминаете самое замечательное свойство этой фи-

гуры? – Лейтон показал на доску, где был начерчен конус. – Сколько фигур можно получить, просто разрезая конус в заданных точках! Смотрите! Если секущая плоскость проходит параллельно основанию, мы имеем круг. Рассечем его под углом и получим эллипс. Ну разве не потрясающе?

Студенты по-прежнему безучастно взирали на профессора.

– Я вас спрашиваю, разве это не потрясающе?..

– Да, профессор Лейтон, – нерешительно откликнулся нестройный хор голосов.

Дело в том, что профессор считал потрясающим все, что касалось математики. При этом он кипел прямо-таки безграничным энтузиазмом. Его бы энергию да в нужное русло! Неужто профессора ничуть не привлекали дуэли рифматистов?

Сгорбившись над партами, студенты терпеливо дожидались звонка. Среди присутствующих Джоэл заметил и рифматистов: кое-где виднелись их серые джемперы, белые слаксы и юбки. Пока Лейтон распространялся у доски, как еще можно рассечь конус плоскостью, Джоэл, откинувшись на спинку стула, тайком наблюдал за «пыльниками» – так некоторые называли рифматистов за глаза.

Занятия в академии длились по два часа. Первый час рифматисты проводили в собственном кампусе, а ко второму подтягивались в аудитории к студентам, обучающимся по общеобразовательным программам.

Джоэл им искренне сочувствовал. Как преуспеть в рифматике, когда тебя донимают еще и общеобразовательными предметами? С другой стороны, предъявлять к рифматистам более высокие требования, чем к остальным, было вполне логично. В конце концов, на эту роль их избирает сам Мастер.

«Им здесь совсем не место...» – вдруг осенило Джоэла.

Однако рифматисты были здесь. Поскольку им приходилось заниматься в одном классе, Джоэл даже знал, как их зовут. Правда, этим его познания исчерпывались. Хотя было еще кое-что... и притом важное! Рифматисты обучались вместе с ними элементарной математике, а ведь рифматика требовала знаний основ геометрии, тригонометрии и высшей арифметики. И этим дисциплинам на занятиях по рифматике уделялось очень большое внимание. Стало быть, раз пыльники оказались на занятии у профессора Лейтона, значит в их математическом фундаменте есть брешь? Следовательно, они отстают в понимании основ геометрии! Но... Разве могут рифматисты не знать таких простых вещей, как формулы площади геометрических фигур?

Всего на занятии присутствовало трое рифматистов. Джон и Люк, по обыкновению, сидели за одной партой в дальнем углу класса. По их лицам читалось, что они предпочли бы оказаться где угодно, только не на математике с кучкой нерифматистов. Какое выражение хранило лицо Мелоди, сказать наверняка было невозможно из-за копны рыжих

кудряшек. Занятия напролет она сидела, низко склонившись над блокнотом, и выводила какие-то каракули.

«Может, удастся уговорить одного из них стать моим наставником по рифматике? – задался вопросом Джоэл. – Например, в обмен на помощь с математикой?»

– А теперь давайте-ка повторим формулу площади треугольника! – объявил Лейтон. – Сколько же нового вы узнали за этот год! Ваша жизнь изменилась раз и навсегда!

Эх, если бы только ему разрешили посещать высшие курсы академии! Но увы! Эти курсы предназначались только для рифматистов. Простым студентам обучение там было запрещено.

Вследствие этих размышлений и родилось в голове Джоэла послание к Фитчу, которое он до сих пор носил в кармане брюк. Джоэл украдкой перечитал записку, пока профессор Лейтон выводил на грифельной доске формулы. Если бы только меловые линии оживали, как на занятиях рифматистов! Но ни одна из формул не дрогнула. Да и с чего бы вдруг? Лейтон не был рифматистом. Для него, для Джоэла и для большинства остальных студентов доска была лишь доской, а мел – инструментом для письма.

– Ого! – воскликнул Лейтон, оглядывая свой список формул. – Я говорил, какие они потрясающие?..

Кто-то из студентов застонал. Лейтон, улыбаясь самому себе, повернулся к классу:

– Полагаю, этот звук означает, что вам не до математики.

Похоже, все ваши мысли наперед заняты летним факультативом. Что ж, осуждать вас я не вправе, однако на сегодня вы принадлежите мне! Поэтому достаем тетради! Хочу проверить, как вы справились со вчерашним домашним заданием.

Джоэл удивленно захлопал глазами и ощутил укол тревоги. Домашнее задание? Мать спрашивала, подготовился ли он к уроку... Он обещал, что подготовится, а сам... отложил задание в долгий ящик! Убедил себя, что сделает его в перерыве перед уроком истории. И конечно же, об обещании забыл... потому что отправился на лекцию к Фитчу.

«Нет, только не это!..»

Между тем Лейтон плыл через классную комнату, заглядывая в тетради и не пропуская ни одного студента. Джоэл медленно вытащил тетрадь и открыл страницу с нетронутым домашним заданием. Десять задач – нерешенных, проигнорированных...

А вот и Лейтон...

– Опять двадцать пять! – поравнявшись с партой, вздохнул профессор.

Джоэл потупил взор.

– Останешься после уроков, – сказал Лейтон и двинулся дальше.

Джоэл обмяк на стуле. Еще два дня... Надо пережить пару дней, и он перейдет в следующий класс. Он ведь и в самом деле собирался сделать домашнее задание... Он просто... Просто позабыл!

Впрочем, все это не играло никакой роли. Если чему Лейтон и придает значение, так это тестам, а Джоэл в этом году получил высший балл на всех тестах без исключения. Одно невыполненное задание никоим образом не должно повлиять на итоговую оценку.

– Итак, у нас остается еще целых десять минут, – вновь вставая перед классом, объявил Лейтон. – Чему бы нам с вами их посвятить? Что ж, давайте применим формулы на практике!

На этот раз в классе застонало сразу несколько студентов.

– Или... – задумчиво произнес Лейтон. – Раз уж мой урок у вас сегодня последний, да и летние каникулы не за горами... Полагаю, я могу отпустить вас пораньше?

Студенты, большую часть занятия смотревшие в потолок, вдруг встрепенулись.

– Ладно, ступайте! – махнул рукой Лейтон.

Ученики испарились в мгновение ока, а Джоэл остался сидеть на своем месте. Он мучительно соображал и никак не мог выдумать себе оправдание. Через узкое окно Джоэл видел, как студенты прогуливаются по зеленым лужайкам кампуса. У большинства занятия уже закончились, тесты были сданы – учебный год близился к завершению. Джоэлу же оставалось сдать только зачет по истории. К тесту он готовился, поэтому трудностей возникнуть не должно.

Джоэл взял тетрадь, встал из-за парты и подошел к столу профессора.

– Джоэл, Джоэл... – мрачно сказал Лейтон. – Ну и что прикажешь с тобой делать?

– Простить и отпустить?

Лейтон не ответил.

– Профессор... – заговорил Джоэл. – Признаю, я не самый прилежный студент, когда дело касается домашних заданий...

– По моим подсчетам, Джоэл... – перебил его Лейтон. – Ты выполнил девять домашних работ. Девять из сорока!..

«Девять? – удивился Джоэл. – А мне казалось, гораздо больше...»

Он задумался, стараясь припомнить и мысленно обозреть свое обучение в этом семестре. Математика всегда давалась ему легче остальных дисциплин. На ее счет он никогда особенно не переживал.

– Ну-у... – протянул Джоэл. – Вероятно, я был чуточку ленив...

– Всего лишь «чуточку»?.. – переспросил Лейтон.

– А как же оценки за мои тесты? – быстро спросил Джоэл. – У меня все сдано на отлично.

– Во-первых, обучение – это не только тесты, – сказал Лейтон. – Быть студентом академии Армедиуса очень престижно, и получить ее диплом – большое достижение. Этот документ подтверждает, что выпускник умеет учиться и блюсти дисциплину. Я ведь не просто математике вас учу! Я учу вас жизни! Как же я могу перевести студента на сле-

дующий год, если он не способен выполнять то, что от него требуется?

Вновь Лейтон завел свою волюнку! Джоэл слышал эту нотацию не впервые. Почти все профессора искренне полага-ли, будто именно их предмету суждено сыграть ключевую роль в жизни их подопечного. Все они, конечно, заблужда-лись. Все, за исключением, разумеется, профессоров рифма-тики.

– Мне очень жаль, – сказал Джоэл. – Я... Мне нет оправ-дания, вы правы. Я и вправду лентяй. Но будет несправедли-во, если вы вдруг откажетесь от своих слов. В начале семест-ра вы ясно дали всем понять, что перейти на следующий год обучения возможно, лишь набрав достаточно баллов за ито-говый тест. Результаты моего теста показывают, что у меня хватает баллов для зачета!

Лейтон сцепил перед собой пальцы в замок.

– Джоэл, знаешь ли ты, что думает преподаватель о сту-денте, который никогда не выполняет домашних заданий, но каким-то чудом получает отличные оценки на тестах?

– Думает, что он отъявленный лентяй? – смешавшись, спросил Джоэл.

– Можно интерпретировать и так, – сказал Лейтон, доста-вая несколько листов из стопки на столе.

– Это как раз моя экзаменационная работа, – заметил Джоэл, признав свой почерк.

– Верно, – отозвался Лейтон и положил ее на стол рядом

с тестом другого студента.

Тот справился хорошо, однако до Джоэла ему было далеко.

– Видишь разницу между двумя работами?

Джоэл пожал плечами. Разница была очевидна. Свой тест он выполнил аккуратно и точно. Под условием каждой задачи красовался верный ответ. Тест второго студента являл собой хаос. На листе живого места не было от бесконечных пометок, промежуточных расчетов и закорючек.

– Джоэл, я всегда очень подозрительно отношусь к тем студентам, кто не пишет промежуточных расчетов, – строго заметил Лейтон. – Вот уже которую неделю я наблюдаю за тобой, но никак не могу взять в толк, как тебе удается решать задачи... не решая их! Я бы давно выдвинул официальные обвинения, однако у меня до сих пор нет никаких доказательств.

Потрясенный Джоэл почувствовал, как у него медленно отвисает нижняя челюсть.

– Неужели вы думаете, что я жульничаю?..

Лейтон принялся что-то писать на листке бумаги.

– Я этого не говорил. Повторюсь, у меня нет доказательств, а в академии Армедиуса голословно обвинять не принято. Однако в моей власти, Джоэл, порекомендовать твою кандидатуру на летний факультатив для отстающих по геометрии.

Надежды Джоэла выбрать факультатив на лето рушились

на глазах. Вместо них вырисовывалась отнюдь не радужная перспектива все летние деньки провести за изучением основ геометрии. Опять площадь конуса! И треугольника! И трехкратный радиус круга!

– Нет! – взвыл Джоэл. – Вы не можете так поступить со мной!

– Еще как могу. Понятия не имею, где ты берешь ответы или кто тебе помогает, но одно я знаю точно: этим летом мы проведем много времени за изучением геометрии. Очень много! Только ты и я, Джоэл. И в конце летнего факультатива, так или иначе, геометрию ты у меня будешь знать!

– Да знаю я геометрию! – вспыхнул Джоэл. – Слушайте, давайте я прямо при вас сделаю домашку? Здесь и сейчас, лады? У нас как раз осталось несколько минут до конца занятия! А затем я сделаю еще одну работу! Этого вам будет достаточно, чтобы не записывать меня в дураки?..

Он схватил ручку со стола Лейтона и спешно перелистал тетрадь.

– Джоэл... – терпеливо произнес профессор.

«Так, первая задача, – прочитал Джоэл. – Найдите площадь сечений геометрической фигуры».

Конус был разделен на три части. Под картинкой Джоэл обнаружил необходимые для решения длины и размерности. Сделав в уме необходимые расчеты, он записал ответ.

– Джоэл, это тебе не поможет... – сказал Лейтон, положив руку ему на плечо, но вдруг осекся, когда увидел решение

уже второй задачи.

Джоэл черкнул итоговое число. Расчеты были самые что ни на есть простые. В третьем задании из куба вырезали цилиндр. Требовалось вычислить площадь поверхности образовавшейся фигуры. Эта задачка тоже оказалась Джоэлу по плечу, и он быстро вписал ответ.

– Где ты взял ответы? Кто тебе подсказал? – спросил Лейтон.

Между тем Джоэл справился уже и с четвертой, и с пятой задачками.

– Почему ты просто не списал? Зачем тебе запоминать ответы? – не унимался Лейтон. – Положить столько трудов, чтобы смухлевать на экзамене, и проколоться на невыполненном домашнем задании?

– Я не мухлевал, – отозвался Джоэл, записывая очередной ответ. – Зачем мне жульничать?

– Джоэл, все эти задачи требуют по меньшей мере пяти минут на раздумья каждая! – Лейтон сложил руки на груди. – Неужели ты думаешь, будто я поверю, что ты решаешь их в уме?

– Ну это же элементарно, – пожал плечами Джоэл.

Лейтон усмехнулся, подошел к доске, быстро начертил конус и начал записывать вводные. Джоэл воспользовался паузой, чтобы разобраться еще с тремя задачками, а затем взглянул на доску.

– Двести один сантиметр и один миллиметр, – сказал он

прежде, чем Лейтон закончил писать, затем вновь опустил взгляд на тетрадь и принялся читать условие последнего задания. – Профессор, вам надо попрактиковаться в эскизах. Пропорции цилиндра, с помощи которого вы пытаетесь построить конус, искажены.

– Что, прости? – переспросил Лейтон.

Джоэл присоединился к профессору у доски.

– По вашему замыслу образующая конуса равна двенадцати сантиметрам?

Лейтон кивнул.

– Значит, если мы желаем получить пропорциональную фигуру... – Джоэл привстал на цыпочки и перерисовал конус. – Радиус основания конуса должен быть вот таким! Именно такая длина позволяет наиболее точно отразить пропорцию, кратную четырем сантиметрам.

Лейтон на миг замер, взглядываясь в исправленный эскиз. Затем достал линейку, сделал замеры и побледнел.

– Ты на глаз определил, что мой эскиз непропорционален? Мой радиус меньше твоего всего на пару сантиметров!

Джоэл пожал плечами.

– А ну-ка, начерти мне линию, равную одной трети образующей конуса, – скомандовал Лейтон.

Джоэл повиновался.

– Точно!.. – сделав замер, воскликнул профессор. – До миллиметра! Предположим, эта линия радиус. Начертить окружность сможешь?

Джоэл вновь взялся за мелок и нарисовал на доске широкий круг. Лейтон вооружился ниткой, сделал обмер и при- свистнул.

– Джоэл, твоя окружность идеальна!.. Эта дуга!.. Точно циркулем чертил! Почему ты не идешь в рифматисты?..

Джоэл отвел взгляд и спрятал руки в карманы брюк.

– С этим я на восемь лет опоздал, – сказал он.

– Да, что-то я об этом не подумал... – Лейтон, поколебавшись, взглянул на Джоэла. – Хочешь сказать, все это время ты сидел здесь и знал учебную программу наперед?

Джоэл пожал плечами.

– Так ты, наверное, чуть со скуки не помер!..

Студент вновь пожал плечами.

– Поверить не могу, – выдохнул Лейтон. – Слушай, а как насчет тригонометрии в качестве летнего факультатива?

– Тригонометрию я знаю, – сказал Джоэл.

– Ох... Тогда алгебры?

– И ее знаю, – отозвался Джоэл.

Лейтон потер подбородок.

– Слушайте, можно мне просто зачет по геометрии? – спросил Джоэл. – Летний факультатив я уже себе наметил, но, если мой план вдруг сорвется, я весь ваш. Займемся с вами математическим анализом или еще чем...

– Ну и ну!.. – квохтал Лейтон, разглядывая эскизы на грифельной доске. – Очень досадно, что ты не попал к рифматистам!

«Да неужели?..» – мысленно воскликнул Джоэл.

– Тебя всему этому научил отец? – спросил профессор. – Как я понял, он был математиком-любителем?

– Вроде того, – ответил Джоэл.

Лейтон устроился в академию всего несколько месяцев назад и лично отца Джоэла не знал.

– Ладно. – Профессор всплеснул руками. – Зачет твой. Все равно я не представляю, как целых три месяца учить тебя тому, что ты и так знаешь!

Джоэл испустил вздох облегчения.

– Только постарайся впредь выполнять домашние задания.

Джоэл с жаром покивал и ринулся к своей парте за учебниками. Поверх стопки по-прежнему лежали две книги профессора Фитча.

Что ж, быть может, этот день еще не совсем потерян!

ЗАЩИТА БАЛЛИНТАЙНА

Две внешние малые заградительные окружности призваны помочь рифматисту в обороне флангов, а также отпугнуть вражеских меллингов от основной заградительной окружности.

Астериском обычно помечается место привязки охранных меллингов или меллингов-защитников.

Быстрая и простая в начертании защита Баллинтайна — распространенная защита, основанная на четырехточечной окружности. Защита характеризуется простейшими стабилизирующими линиями запрета и достаточным минимумом оборонительных средств в критически важных точках.

Данная защита пользуется популярностью у рифматистов, предпочитающих скоротечные дуэли.

Глава 04

Выйдя из аудитории профессора Лейтона, Джоэл заметил девочку. Откинувшись на кирпичную стену здания, она сидела на лужайке и что-то рассеянно рисовала в блокноте. Девочка в сером джемпере и белой юбке встряхнула рыжими кудрями и воззрилась на Джоэла. Это была Мелоди. Та самая рифматистка, что посещала занятия Лейтона.

– О! Так он уже с тобой разделался? – спросила она.

Джоэл кивнул.

– Тебе повезло! Цел и невредим, как я погляжу, – сказала Мелоди. – Будем считать это хорошим знаком. Ни укусов, ни переломов...

– Ты меня ждешь?

– Вот дурачок! Нет, конечно! – отозвалась она. – Этот профессор Надоеда просил меня зайти, когда он покончит с тобой. Вероятно, чтобы сообщить, что я завалила экзамен. В очередной раз.

Джоэл заглянул в блокнот. Он наблюдал за Мелоди весь семестр и представлял, что девочка тренируется чертить сложные защиты. Однако Джоэл не увидел на страницах ни линий запрета, ни заградительных дуг, ни даже окружностей! Вместо этого его взору предстали замок и единороги.

– Единороги? – удивился Джоэл.

– Да! И что? – огрызнулась Мелоди и захлопнула блокнот. – Единорог – благородное и величественное животное!

– И вымышленное.

– Что с того? – вновь раздраженно воскликнула девочка, поднимаясь на ноги.

– А то, что ты рифматистка, а время тратишь на такую ерунду! Спрашивается – зачем? Лучше бы тренировалась линии чертить!

– Рифматисты то! Рифматисты се!.. – воскликнула Мелоди и тряхнула кудрями. – Защищай королевство! Отгоняй меллингов! Почему все непременно должно быть связано с рифматикой? Неужели девочка, пускай и рифматистка, не может иногда подумать о чем-нибудь другом?..

Удивленный вспышкой гнева, Джоэл даже попятился. Что ответить, он не нашелся. Рифматисты редко общались с обычными студентами. В первые годы обучения Джоэл не раз пытался завязать беседу, но его неизменно игнорировали.

И вот теперь рифматистка с ним говорит. Правда, Джоэл никак не ожидал, что Мелоди окажется такой... такой раздражительной!

– И вообще!.. – воскликнула Мелоди. – Почему именно я

должна все это разгребать? Кто-нибудь спрашивал, хочу ли этого я?

– Тебя выбрал Мастер, – сказал Джоэл. – Тебе повезло. Он выбирает одного из тысячи.

– Ему определенно стоит провести переаттестацию сотрудников отдела качества! – отозвалась Мелоди, драматично вздохнула, отвернулась и направилась в аудиторию профессора Лейтона.

Джоэл проводил ее взглядом, затем покачал головой и пошел через кампус. Мимо него на станцию пружинного моно-

рельса спешили студенты. Занятия на сегодня закончились, и все желали поскорее вернуться домой. Однако для Джоэла родным домом был кампус.

На площадке для отдыха он заметил несколько знакомых, которые что-то оживленно обсуждали. Через несколько мгновений Джоэл обнаружил, что ноги сами принесли его туда.

– Я считаю, это нечестно! – выдернул его из раздумий чей-то голос.

Говорил Чарлингтон. Сложив руки на груди, он вещал не терпящим возражений тоном:

– Профессор Харрис был просто в бешенстве, когда она не явилась на экзамен, но ректор от него лишь отмахнулся!

– Так она ведь рифматистка, – сказала Роуз. – С чего бы ей прогуливать экзамен? Даже если завалит, все равно ничего не будет!

– Может, просто хотела, чтобы у нее лето началось раньше, чем у остальных? – пожал плечами Чарлингтон.

Джоэл, до этого слушавший беседу вполуха, вдруг насто-рожился. Речь шла о рифматистке! Он придвинулся к Дэвису, который, по обыкновению, обнимал Роуз за плечи, и поинтересовался:

– Что-то произошло?

– Лили Уайтинг, рифматистка, так и не появилась сегодня на экзамене по истории у Харриса, – ответил Дэвис. – Чак хотел сдать экзамен досрочно, чтобы отправиться с родными

в Европу, но ему отказали. Вот он и кипит.

– Я категорически против особенного отношения к рифматистам!..

– Ну, экзамен-то, наверное, ей все равно придется сдать, – сказал Джоэл. – Я бы не стал ей завидовать. Жизнь у рифматистов не сахар: день начинается раньше, перерывов между занятиями нет. Да и все летние каникулы они торчат в кампусе...

Чарлингтон нахмурился.

– Поверь, Чарли, – уверял Джоэл. – Если обстоятельства сложились так, что ей пришлось срочно отбыть, уверяю тебя, она не на пляже сейчас лежит. Этой Лили отнюдь не до веселья! Может, она вообще на Небраске!

– Может, и так, – отозвался Чарли и смягчился. – Да, вероятно, ты прав...

Он замолк и пошевелил губами, словно что-то припоминая.

– Джоэл, – подсказал тот.

– Да, Джоэл. Я помню. Что ж, вероятно, ты прав, Джоэл. Я даже и не знаю... Но видел бы ты, как расстроился профессор Харрис! Думаю, все это очень странно...

На площадку подошли еще несколько студентов, и Чарлингтон увязался за ними на станцию монорельса. Краем уха Джоэл услышал, как тот принялся рассказывать ту же историю.

– Поверить не могу! – тихонько произнес Джоэл, глядя

вслед Чарлингтону.

– Чему? – спросил Дэвис. – Ты про рифматистку?

– Я про Чарлингтона! Мы вместе ходим на занятия вот уже три года, и каждый раз, когда нам случается говорить, он не может вспомнить мое имя!

– Ну и ну... – сказал Дэвис.

– Нашел из-за чего переживать! Чарлингтон замечает только тех, у кого есть... – Роуз показала на свою грудь.

Джоэл перевел взгляд на Дэвиса:

– Ты уже выбрал летний факультатив?

– Ну... В общем, пока нет...

Дэвис, сын профессора, жил в университетском городке, как и Джоэл. В общем-то, среди их сверстников больше и не было студентов, чьи родители работали в академии.

Что касается остальных детей персонала Армедиуса, те в большинстве своем посещали муниципальные школы поблизости. Только дети профессоров имели право учиться в академии. Ну и Джоэл... Потому что его отец и ректор академии были хорошими друзьями, пока восемь лет тому назад с отцом не произошёл несчастный случай.

– Меня тут посетила кое-какая шальная идея насчет моего факультатива...

Джоэл умолк, вдруг осознав, что Дэвис не слушает, а смотрит на здание администрации. Он обернулся и увидел у парадного входа студентов.

– Что происходит?

Дэвис пожал плечами.

– Это Питертон там? Почему он не уехал? Ведь монорельс в Джорджиабаму уходит в три пятнадцать... – сказал Джоэл, наблюдая за долговязым старшеклассником, который тщетно пытался заглянуть в окна администрации. – Да, это точно Питертон!

Дверь распахнулась, и на пороге возник незнакомец. Джоэл немало изумился, когда увидел его темно-синее военного фасона пальто с золотыми пуговицами и идеально отглаженные форменные брюки. Такую униформу носили только федеральные инспекторы. Мужчина водрузил на голову полицейский шлем и устремился прочь.

– Федеральный инспектор? – удивился Джоэл. – Очень странно...

– Ничего странного, – отозвалась Роуз. – Я постоянно наблюдаю, как по кампусу шныряют полицейские.

– Инспектор – совершенно другая история, – возразил Джоэл. – Под юрисдикцией федерального бюро находятся все шестьдесят островов. Вероятно, у него серьезные основания здесь быть.

В дверях появился ректор Йорк. Вид у него был самый что ни на есть озабоченный. За спиной маячили Экстон и Флоренс.

– Собственно, о чем это мы? – спросил Дэвис. – Ах да! Летний факультатив!

– Да, именно... – отозвался Джоэл.

– Я... – Дэвис замялся. – Джоэл, эти летние каникулы мы проведем порознь. Так уж получилось, что я буду занят.

– Получилось?.. Это как?

Дэвис глубоко вздохнул и сказал:

– Мы с Роуз едем на лето к Майклу. В летний домик его отца. Тот, что на севере...

– Ты?.. – поразился Джоэл. – Но... ты ведь не один из них... Ты ведь...

«Ты ведь, как я...» – мысленно договорил Джоэл.

– Майкл однажды станет важной шишкой, – сказал Дэвис. – Он знает, что отец готовит меня к поступлению на юридический факультет. Майкл, как я понял, тоже хочет туда поступать, и с этим ему, вероятно, понадобится помощь. А в один прекрасный день, когда ему в штат потребуются толковые и надежные юристы... Ты же понимаешь, что он пойдет по стопам отца и станет рыцарем-сенатором?

– Это... Что ж, это замечательная возможность, – заметил Джоэл.

– Просто фантастическая! – подтвердил Дэвис извиняющимся тоном. – Джоэл, мне очень жаль! Не хочется бросать тебя тут одного на все лето, но... я просто вынужден так поступить. Такой шанс упускать нельзя. Это реальная возможность преуспеть в будущем.

– Да-да, конечно.

– Может, тебе стоит спросить его...

– Да я уже намекал.

– Вот незадача... – поморщился Дэвис.

– Да, он меня отшил и глазом не моргнул, – пожал плечами Джоэл, стараясь изобразить на лице безразличие, которого, конечно же, не испытывал и в помине.

– Слушай, Майкл так-то классный парень, – сказал Дэвис. – А тебе вообще грех жаловаться! Относятся к тебе здесь очень хорошо! Живешь в тепличных условиях! Никто не задирует...

Все это была правда. Никто и никогда его не притеснял и не задирает. Студенты академии Армедиуса были выше этого. Тратить свое драгоценное время, чтобы преследовать кого-то? Вот еще! Того, кто им был не по душе, просто переставали замечать. В академии существовало с десятков протополитических общин, но Джоэл ни к одной из них не принадлежал – даже к самой непопулярной.

Члены всех этих студенческих союзов общались с ним предельно вежливо. Вместе они могли что-то обсудить и пошутить, но не более того. Близко они Джоэла к себе не подпускали. Все это выглядело так, будто ему делают одолжение.

Джоэл с радостью бы променял такое отношение на старую добрую травлю. По крайней мере, какое-никакое, но внимание! Хоть кто-то да вспоминал бы о нем!

– Ладно, мне пора, – сказал Дэвис. – Извини, если что.

Джоэл кивнул на прощание. Дэвис и Роуз побежали к группе студентов, толпившихся вокруг Майкла на станции

монорельса.

Без Дэвиса он на лето осиротеет. Одноклассники один за другим покидали кампус на каникулы.

Джоэл крепче стиснул книги профессора Фитча. Поначалу он не собирался оставлять их у себя, но раз уж они попали к нему в руки... В общем, он решил, что такой возможностью грех не воспользоваться. Кроме того, обыкновенным студентам труды по рифматике в библиотеке получить было невозможно.

С этими мыслями Джоэл отправился на поиски укромного местечка, чтобы спокойно почитать и поразмыслить.

* * *

Прошло уже несколько часов, а Джоэл все сидел под сенью раскидистого дуба и читал. Оторвавшись от книги, он запрокинул голову и всмотрелся в голубые осколки неба в густой листве.

Первая книга, к сожалению, оказалась безделицей. В ней описывались четыре основные линии рифматики. Джоэл не раз видел, как Фитч выдавал ее отстающим студентам для самостоятельного изучения.

Вторую книгу Джоэл, на свое счастье, нашел более содержательной. Изданная не так давно, она освещала множество проблем современной рифматики. В одной из самых интересных глав рассматривалась заградительная окружность, о

которой Джоэл прежде и слыхом не слыхивал. Мнения рифматистов насчет применимости этой защиты расходились, и глава была посвящена детальному разбору противоположных точек зрения. Несмотря на множество непонятных уравнений, Джоэл уловил нить и в общих чертах понял, что к чему. Материал был настолько увлекательным, что юноша потерял счет времени.

Чем дальше он читал, тем больше задумывался об отце. Он хорошо помнил, как тот без устали работал допоздна, чтобы довести до совершенства очередную меловую формулу. И хорошо помнил, хоть и был тогда совсем юным, как отец дрожащим от волнения голосом рассказывал о самых захватывающих дуэлях в истории рифматики.

Вот уже восемь лет Джоэла неотступно преследовала горечь утраты. Избавиться от этой душевной раны было невозможно, однако она зарубцевалась, и боль притупилась. Рана затянулась шрамом: точно так со временем покрывается деревом и все глубже врастает в землю одинокий камень в поле.

Смеркалось. Небо потемнело, и читать стало практически невозможно. Бурлящая в кампусе жизнь стихала. Лишь в некоторых лекционных корпусах все еще горел свет. На верхних этажах многих из них располагались кабинеты профессоров и комнаты для их семей. Джоэл поднялся на ноги и увидел зрителя. Старик Джозеф шел вдоль лужайки и заводил фонари. Пружинные механизмы начинали жужжать, и кругом разливался свет.

За размышлениями о запутанной истории с защитой Мияби и нетрадиционным использованием заградительных линий Блада Джоэл собрал книги. Жалобно заурчал в напоминание о себе желудок.

К своей радости, на ужин Джоэл поспел. Профессора, обслуживающий персонал с детьми и даже рифматисты – все ели вместе. Обыкновенные студенты на ужин не оставались и уезжали после занятий домой. Ужинали и ночевали в кампусе только дети лекторов да обслуги вроде Джоэла. Многие рифматисты также предпочитали жить при академии – в общежитии. Их родной дом обычно находился слишком далеко, чтобы ездить к семье каждый день, да и учеба занимала много времени. В общем и целом получалось, что половина рифматистов обреталась в кампусе, половина каждый день прибывала в Армедиус на монорельсе.

В столовой царил хаос. Из распахнутых дверей доносились шум и гвалт голосов. В левой части зала трапезничали семьи профессоров. Супруги увлеченно болтали и смеялись. Их дети ели тут же, но за отдельными столиками. В правой же части зала за большими деревянными столами ужинал обслуживающий персонал. Ну а в дальнем конце помещения за кирпичной перегородкой, из-за которой торчал лишь край длинного стола, сидели студенты-рифматисты.

Центр зала занимала пара длинных столов, сервированных блюдами дня. Официанты подавали еду только профессорам. Члены их семей и обслуга были предоставлены сами

себе. Когда Джоэл вошел, собравшиеся уже сидели на скамьях, ели и переговаривались. Сонм голосов наполнял столовую низким гулом. Гремела посуда, носились кухонные работники, зал полнился соперничавшими друг с другом ароматами.

Джоэл проложил себе путь вдоль длинного стола для обслуги к своему обычному месту – напротив поджидавшей его матери. Увидев ее, Джоэл облегченно выдохнул. Работы случалось так много, что порой она даже не успевала поесть, не говоря уже о том, чтобы переодеться к ужину и привести себя в порядок. Мать практически не вылезала из своего коричневого рабочего платья и почти никогда не распускала забранные в пучок волосы. Сегодня она ела неохотно, предпочитая разговаривать с миссис Корнелиус, еще одной уборщицей.

Джоэл оставил учебники и поспешил отойти за едой, пока мать не начала докучать расспросами. Взяв тарелку, он положил себе риса и жареных сосисок.

«Дни германской еды! – мысленно воскликнул Джоэл. – Поваров, похоже, вновь укусила экзотическая муха. Что ж, по крайней мере, с чосонской стряпней покончено!»

На вкус Джоэла, блюда чосонской кухни были слишком острыми. Взяв кувшин с пряным яблочным соком, он вернулся на свое место. Как он и опасался, мать поджидала его с вопросами наготове.

– Флоренс сказала, что ты обещал сегодня вечером опре-

делиться с летним факультативом...

– Я в процессе!

– Джоэл! Я надеюсь, ты не забросил идею записаться на факультатив? Ты ведь не хочешь и это лето проторчать в коррекционном классе?

– Конечно же нет, – заверил Джоэл. – Обещаю, никаких коррекционных классов. Профессор Лейтон сказал, что зачет у меня в кармане.

– Некоторые дети стараются не просто получить зачет, а стать лучшими в классе, – заметила мать, насаживая кусок сардельки на вилку.

Джоэл пожал плечами.

– Эх, если бы только у меня было время помогать тебе с уроками... – вздохнула она.

После ужина ей предстояла уборка почти на всю ночь. К работе мать приступала только после полудня: большинство аудиторий были заняты с самого раннего утра. Под глазами темнели круги, ставшие уже неизменной частью ее образа. Как же все-таки много она работает!

– Что с алхимией? – продолжала она допрос. – Зачет получишь?

– Научные дисциплины мой конек, – отозвался Джоэл. – Профессор Лэнгор уже раздал аттестационные листы. Последние дни будем работать в лаборатории. Лэнгор сказал, что оценки ставить не собирается. В общем, зачет будет.

– Литература?

– Сегодня сдал на проверку сочинение.

Джоэл выполнил задание вовремя только потому, что профессор Зобел слишком увлеклась чтением какого-то цикла романов и позволила им писать сочинение прямо во время занятий. Длилась вся эта история аж две недели! Профессора тоже люди, и некоторые, прямо как студенты, к концу года не могут удержаться от соблазна немного побездельничать.

– А история? – не унималась мать.

– Завтра экзамен.

Она вскинула брови.

– Мам, экзамен по истории рифматики! – закатил глаза

Джоэл. – Уж с этим я справлюсь!

Ответы, она, похоже, нашла удовлетворительными, и Джоэл наконец смог приступить к ужину.

– Слышал про профессора Фитча и ту ужасную дуэль? – спросила мать.

Джоэл кивнул с набитым ртом.

– Бедолага, – сказала мать. – Ты знал, что он двадцать лет работал над собой, чтобы занять должность старшего профессора? Столько трудов, чтобы все в мгновение потерять! Теперь ему снова придется заниматься с неучами!

– Мам, а ты слышала что-нибудь про федерального инспектора? – спросил Джоэл, прежде чем приняться за следующий кусок. – Чего он забыл в кампусе?

Мать рассеянно кивнула:

– Подозревают, что из академии прошлым вечером сбе-

жала рифматистка. Отправилась навестить родных да так и не вернулась в кампус.

– Лили Уайтинг? – спросил Джоэл.

– Вроде она.

– Чарлингтон говорит, будто родители увезли ее в семейное путешествие.

– Эту историю администрация выдумала для отвода глаз, – отвечала мать. – Но разве удержишь в секрете побег рифматиста? Все понять не могу, чего они бегут? Как будто им плохо живется! Работать почти не нужно... Вот неблагодарная братия!

– Думаю, девочку скоро разыщут, – поспешно сказал Джоэл, пока мать не принялась развивать тему.

– Джоэл, выбирай летний факультатив! Да поскорее! А то ведь точно загремишь в разнорабочие!

Студенты, лишённые возможности выбрать факультатив или просто не успевшие этого сделать, оказывались в бригадах по благоустройству территории Армедиуса. Ректор Йорк выступил с этой инициативой, чтобы научить обеспеченных студентов, коих в академии было большинство, уважать труд простых рабочих. Чем, собственно, вызвал немалое раздражение родителей.

– А что плохого в трудовой практике? – спросил Джоэл. – Папа был рабочим. Кто знает, может, и мне когда-нибудь пригодится этот опыт. Вдруг мне тоже суждено стать рабочей?

– Джоэл, милый...

– Нет, ну а что?.. – не унимался Джоэл. – Разве плохо зарабатывать на жизнь честным трудом? Ты ведь работаешь уборщицей!

– Академия Армедиуса – одно из самых престижных учебных заведений! Тебе посчастливилось здесь учиться – вот и учись! Надо благодарить судьбу, а ты что делаешь?..

Джоэл пожал плечами.

– Ты систематически не выполняешь домашнее задание, вот что ты делаешь! – воскликнула мать, потирая лоб. – Профессора говорят, что ты способный, но слишком уж распушенный. Ты хоть понимаешь, что некоторые все бы отдали, лишь бы оказаться на твоём месте?

– Конечно, понимаю, – отозвался Джоэл. – Мам, тебе не о чем волноваться. Я непременно попаду на летний факультатив. Профессор Лейтон сказал, что, если не найду, чем себя занять, смогу изучать математику у него.

– В классе для отстающих? – с подозрением спросила мать.

– Нет-нет, – торопливо ответил Джоэл. – На курсе по высшей математике.

«Если бы только меня допустили к тому, что мне действительно нравится! – подумал Джоэл, пронзая вилкой еду. – Вот тогда все были бы счастливы!»

Эти мысли напомнили Джоэлу о потрепанной бумажке, которая по-прежнему лежала в кармане брюк. Профессор

Фитч знал его отца. Можно сказать, они были даже в какой-то мере друзьями.

Узнав, что Дэвис бросает его этим летом, Джоэл преисполнился решимости во что бы то ни стало попасть на летний факультатив к Фитчу.

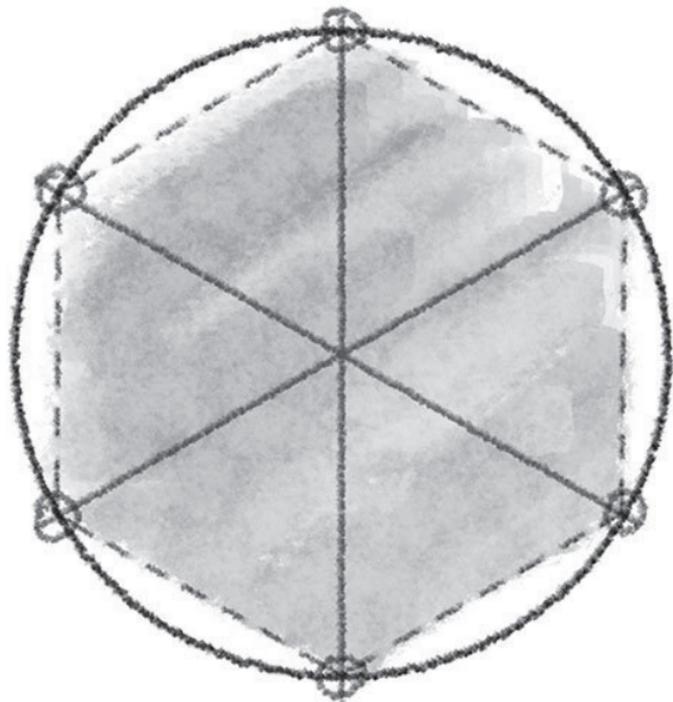
Задумчиво поковыряв в тарелке, Джоэл резко встал.

– Ты куда собрался?.. – спросила мать.

– Я на пару минут! Только книжки верну!.. – пояснил Джоэл, подмахивая со стола книги Фитча.

ШЕСТИТОЧЕЧНАЯ ОКРУЖНОСТЬ

Используется продвинутыми студентами-рифматистами вместо двух- и четырехточечных заградительных окружностей. Эта защита более универсальна и позволяет выстроить лучшую оборону.

Для начертания шеститочечной окружности необходимо изобразить базовую заградительную окружность. Затем рифматист должен представить себе вершины (точки привязки) шестиугольника, который будет вписан в окружность. Разумеется, ни о каких вспомогательных линиях и начертании шестиугольника внутри окружности не может быть и речи. Рифматисту нужно проделать эту работу в уме — перед мысленным взором. Именно такой навык должен выпестовать в себе каждый уважающий себя рифматист.

Глава 05

Профессора с супругами сидели вдоль стола в соответствии со своим рангом. Во главе ужинал ректор Йорк. Его отличали исполинский рост и вислые коричневатые усы. Этот дюжий, косая сажень в плечах, мужчина был настолько высок, что, даже сидя за столом, взирал на своих коллег сверху вниз.

Преподаватели общеобразовательных дисциплин и риф-

матики за ужином были на равных и сидели вперемешку. Джоэл подозревал, что подобное равноправие не случайно: ректор академии не был рифматистом. Чуть далее, за группой штатных преподавателей, размещался состав адъюнкт-профессоров из шести человек. Их уважали, к их мнению прислушивались, однако постоянного трудоустройства они пока не заслужили. Адъюнкт-профессоров рифматики отличали сюртуки синего цвета. Еще дальше располагался младший профессорский состав. Рифматисты этого ранга носили зеленые сюртуки. А за ними, в конце стола, сидели рифматисты в сером. То были преподаватели, наставлявшие студентов во внеурочное время. Фитч, который волей судьбы оказался в рядах последних, примостился у дальнего угла. Он выглядел на двадцать, а то и тридцать лет старше своих новых коллег. Нализар же в отвоеванном у Фитча бордовом сюртуке восседал неподалеку от ректора Йорка. Не успев толком приблизиться к столу рифматистов, Джоэл уже ясно различал среди общего гомона крикливый голос сегодняшнего героя.

– ...безусловно, это заставит некоторых личностей сесть и крепко задуматься! По крайней мере, я на это очень надеюсь! – вещал Нализар. – Воины вы или нет, в конце концов? Скажите-ка, когда в последний раз вы чертили заградительные круги на Небраске? Десять?.. Пятнадцать лет назад? Тот и оно, господи! А я всего несколько месяцев назад, как оттуда! Сражался на передовой! Слишком многие академики

позабыли, для чего мы тренируем будущие поколения рифматистов. И для тех, кто забыл, я напоминаю! Для обороны!.. В нашем деле нет места школярству! Подобный подход к обучению рифматике ставит под угрозу будущее всех шестидесяти островов!

– Нализар, вы ясно дали понять, какой позиции придерживаетесь, – заметил профессор Габершток. – Однако давайте не будем и дальше раскачивать лодку!

Нализар смерил оппонента взглядом, и Джоэлу почудилось, будто тот едва сдерживает презрительную усмешку.

– Академии Армедиуса нужно избавиться от балласта! Мы здесь собрались, чтобы возвращать бойцов, а не ученых!

Фитч опустил взгляд и сосредоточился на еде. Однако кусок в горло, похоже, не шел. Джоэл замер в нерешительности. Как бы к нему подступиться?

– Теория важна, – тихо произнес Фитч.

– Простите? – переспросил Нализар, выглядывая профессора в конце стола. – Вы что-то сказали?..

– Нализар! – оборвал его ректор Йорк. – Вы попираете границы приличия. Дуэлью вы уже обозначали свою точку зрения красноречивее всяких слов. Вряд ли оскорбления упрочат ваше положение.

Молодой профессор вспыхнул, и Джоэл заметил мелькнувший в его глазах гнев.

– Ректор Йорк, все в порядке, – отрывая взгляд от тарелки, заверил Фитч. – Я хотел бы, чтобы молодой человек вы-

сказался.

– Фитч, вы же сами прекрасно понимаете, что Нализар как преподаватель с вами рядом не стоит! – воскликнул ректор, пуще вгоняя Нализара в краску. – Да и как инструктор тоже! Ох и не нравятся мне все эти ваши рифматические правила и обычаи!

– Мы должны их чтить, – отозвался Фитч.

– Ректор, при всем моем почтении, я не согласен с последней частью вашего высказывания! – вклинился Нализар. – Не спорю, профессор Фитч может быть хорошим человеком и преподавателем, но какой он инструктор?.. Когда в последний раз хоть один из его студентов побеждал на турнире «Дуэлянт»?

Вопрос повис в воздухе. Насколько Джоэл знал, студенты Фитча ни разу не побеждали на турнире.

– Нализар, я учу защищаться, – сказал Фитч. – То есть... учил до недавнего времени. Как бы там ни было, без умения хорошо обороняться нечего и носу казать на Небраск! Защита жизненно необходима, пускай она и не гарантирует успеха на дуэли!

– Фитч, все это ваше хваленое обучение яйца выеденного не стоит, – парировал Нализар. – Своими теориями вы только мозги детям пудрите. Забываете им голову защитами, какие им век не пригодятся!

Фитч невольно сжал вилку и нож. Джоэл поначалу испугался, но потом рассудил, что вряд ли это был гнев. На про-

фессора совсем не похоже. Скорее всего, Фитч просто перенервничал. Очевидно, это противостояние уже стояло у него костью в горле.

– Я учу... то есть я учил своих студентов не просто защиты чертить, – сказал Фитч, не желая встречаться с Нализаром взглядом. – Прежде всего я учил их понимать, что и зачем они делают. Готовил к тому дню, когда придется постоять за себя и свою жизнь. А все эти ваши состязания за награду – полнейшая бессмыслица!

– Бессмыслица? – переспросил Нализар. – Турниры, по-вашему, бессмыслица? Профессор, вы пытаетесь оправдать собственную безответственность. Но не переживайте, я научу ваших студентов побеждать.

– Я... ведь... – начал заикаться Фитч. – Я...

– Ну и ну!.. – воскликнул Нализар, отмахиваясь. – Боюсь, что бессмыслица – это наш с вами разговор! Кого я обманываю? Разве можно что-то втемашить в голову старику? Скажите-ка, сколько вы прослужили на передовой Небраска?

– Всего несколько недель, – признался Фитч. – Большую часть времени я провел в комитете по планированию обороны на Денвере.

– А чем вы занимались в университете? – спросил Нализар. – Теорию наступательного боя изучали? Или углубленный курс линий силы? Или это был столь важный, как вы утверждаете, курс защиты для студентов?

Фитч немного помолчал.

– Нет, – наконец сказал он. – В университете я изучал становление рифматики как науки и отношение к ней американского общества на начальных этапах.

– Все понятно! Историк! – заключил Нализар, обращаясь к остальным профессорам. – У нас тут, господа, историк, который вздумал учить рифматистов защищаться! Теперь, я надеюсь, все понимают, почему у студентов академии Армедиуса дела из рук вон плохи?

За столом воцарилась тишина. Даже ректор задумался. Преподаватели вернулись к еде, а Нализар вдруг посмотрел на Джоэла.

На миг того обуял панический страх. Испытывать терпение Нализара не хотелось. Джоэл и без того привлек к своей персоне излишнее внимание, когда тайком прокрался в аудиторию. Интересно, Нализар запомнил его? Однако взгляд равнодушно скользнул по его лицу. Все-таки порой даже хорошо, когда тебя не замечают!

– Это кто там у нас стоит? – прищурился профессор Габершток. – Ба!.. Так это сын меловых дел мастера!

– Кто-кто? – переспросил Нализар, снова взглядывая на Джоэла.

– Ты скоро познакомишься с ним, Нализар, – отозвался Габершток. – Мы уже замаялись выдворять этого паренька из аудиторий! Но сколько его ни гоняй, он всегда находит способ прошмыгнуть! Нет-нет да и подслушает лекцию!

– Это никуда не годится! – воскликнул Нализар, укориз-

ненно качая головой. – Чтобы обыкновенные студенты отвлекали рифматистов от учебы? Да где это слыхано! Вот от такой расхлябанности все наши проблемы и проистекают!

– Нализар, не надо стричь всех под одну гребенку! Я, например, этого паренька в аудиторию не пускаю, – возразил Габершток. – Хотя некоторые...

– Малой, а ну-ка ступай отсюда подобру-поздорову! – Нализар махнул на Джоэла. – Если еще раз попадешься кому-нибудь из нас на глаза, я тебя...

– Нализар! – оборвал его Фитч. – Этот молодой человек здесь по моей просьбе. Мне нужно с ним переговорить.

Нализар сверкнул глазами на Фитча, однако ничего не сказал. Не было у него такого права – подрывать авторитет коллеги-профессора в глазах студента. Не моргнув и глазом, Нализар демонстративно отвернулся и пустился в рассуждения о положении дел на Небраске, в которых он, несомненно, считал себя экспертом.

– Почему он позволяет себе так разговаривать с вами, профессор? – тихонько спросил Джоэл, подсаживаясь к Фитчу.

– Может, Нализар и дал маху... С другой стороны, он ведь победил меня! Думаю, в какой-то мере это дает ему право диктовать свои правила...

– Бой был нечестный, – сказал Джоэл. – Если бы вы только могли подготовиться!

– Да, я давно не практиковался, – согласился Фитч, а за-

тем вздохнул. – По правде говоря, парень, в дуэлях я никогда и не блистал. Начертить идеальную заградительную линию перед аудиторией – раз плюнуть. А вот повторить то же самое на дуэли – увы и ах! Я едва могу изобразить дугу, не говоря уже о целой окружности. Видел бы ты меня на сегодняшней дуэли! Дрожал как осиновый лист!..

– Я же был в аудитории и все видел, – сказал Джоэл.

– Видел?.. – воскликнул Фитч. – Ах да! Теперь припоминаю!

– Как по мне, так ваша защита Истона получилась весьма искусной.

– Нет-нет, ерунда, – отозвался Фитч. – Я сделал неправильный выбор. Эта защита не годится для схватки один на один. Нализар, без сомнения, на дуэлях собаку съел. Как боец я ему и в подметки не гожусь! С Небраска он вернулся героем. Годы провел там, сражаясь против Башни... Честно признаться, за всю свою жизнь я провел очень мало боев – даже когда жил на Небраске. Слишком уж я нервничаю... Мелок едва из рук не выпрыгивает!

Джоэл примолк.

– Да-да, звучит ужасно!.. – воскликнул Фитч. – Но, быть может, оно и к лучшему. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы по моей вине студенты вышли из академии плохо подготовленными. А если один из моих выпускников и в самом деле погибнет, потому что я что-то упускаю на своих занятиях? Разве смогу я жить с этой мыслью? Признаться, рань-

ше я об этом даже не задумывался...

Как реагировать на излияния профессора, Джоэл не знал. Да и что он, собственно, мог ответить?

– Профессор, я принес ваши книги, – сменил Джоэл тему. – Вы так поспешно ушли, что мы оба совершенно о них запамятовали.

– Значит, у тебя действительно был ко мне разговор! – просветлел Фитч. – Вот так совпадение! Страшно захотелось урезонить Нализара, вот я и ляпнул, что ты ко мне по делу пришел. Что ж, спасибо!

Фитч принял книги из рук Джоэла, положил их на стол и вновь ковырнул вилкой в тарелке.

– Профессор, – собравшись с духом, заговорил Джоэл. – Есть еще кое-что, о чем я бы хотел побеседовать с вами.

– М-да?.. И о чем же?

Джоэл вытащил листок бумаги, расправил его на столе и придвинул к Фитчу. Сконфузившись, профессор поводит глазами и наконец спросил:

– Это запрос на летний факультатив?

– Да, я бы хотел стать слушателем на вашем углубленном курсе защиты по рифматике! – кивнул Джоэл.

– Но, сынок... Ты же не рифматист. Тебе ничего это не даст, понимаешь?

– Что вы! Будет очень познавательно! – отозвался Джоэл. – Я бы хотел стать ученым... Разумеется, ученым в области рифматики!

– А ты амбициозен! Особенно если учитывать, что ты никогда не сможешь оживить ни одной линии.

– Но ведь существуют музыкальные критики, которые не умеют играть на инструментах, – возразил Джоэл. – А историки? Они ведь не влияют на ход истории, хоть и занимаются ею. Почему только рифматистам можно изучать рифматику?

Фитч некоторое время всматривался в листок, а затем улыбнулся.

– Аргумент до некоторой степени обоснованный... Но, к сожалению, лекций я больше не читаю, поэтому и слушателем моим у тебя стать не получится.

– Да, но вы ведь будете репетиторствовать, а я мог бы присутствовать на ваших занятиях. Как вы на это смотрите?

– Боюсь, так не выйдет, – покачал головой Фитч. – Младший профессорский состав не волен выбирать, что и кому преподавать. Я должен курировать студентов, которых мне назначил ректор, а он свой выбор уже сделал. Мне очень жаль.

– Что ж... – Джоэл потупил взгляд. – А что если какой-нибудь профессор вдруг согласится взять одного из ваших студентов под свое крыло? На тот же самый углубленный курс рифматической защиты?

– Слушай, парень. – Фитч ласково положил руку на плечо Джоэла. – На первый взгляд, жизнь рифматиста полна опасностей и приключений, однако даже профессор Нализар со своими рассказами про Небраск излишне драматизирует. В

действительности все обстоит немножко иначе. Рифматисты в основном занимаются изучением линий, углов и чисел. С Башней же по факту воюет лишь горстка. Промокшие, продрогшие, они либо царапают мелом на земле линии, либо сидят неделями под дождем без дела.

– Знаю-знаю, – поспешно сказал Джоэл. – Но, профессор! В рифматике меня как раз привлекает теория!

– Все так говорят, – отозвался Фитч.

– Все?..

– Думаешь, ты первый юноша, мечтающий попасть в класс к рифматистам? – улыбнулся Фитч. – От вас отбою нет!

– В самом деле? – спросил Джоэл с упавшим сердцем.

Фитч кивнул.

– Одна половина желающих влиться в наши ряды свято верит, что на лекциях по рифматике происходит что-то таинственное и захватывающее. Другая половина полагает, будто рифматистом может стать каждый – дескать, ученье и труд все перетрут.

– Так, может... в этом есть доля истины? Может, все-таки найдется способ? – спросил Джоэл. – Ведь до обряда посвящения все «пыльники» тоже были обыкновенными людьми. Даже вы! Почему же тогда остальным заказан путь в рифматисты?

– Это не так устроено, парень, – сказал Фитч. – Мастер отбирает рифматистов очень тщательно. Обряд посвящения можно пройти только до определенного возраста. Если мо-

мент упущен, то увы... Ты автоматически зачисляешься в обыватели. За последние двести лет не было такого человека, кого посвятили бы в рифматисты после срока, условленного обрядом.

Джоэл вновь потупил взгляд.

– Не расстраивайся, – ободрил Фитч. – Спасибо, что вернул мне книги. Клянусь, я трижды обыскал свой кабинет!

Джоэл кивнул и собрался было уйти, как вдруг кое-что вспомнил и произнес:

– Он, кстати, не прав.

– Кто?..

– Яллард. Автор той книги. – Джоэл указал на второй томик под рукой у Фитча. – Он утверждает, будто защиту Блада должно исключить из официальных дуэлей и турниров. Но Яллард недалновиден. Четыре скомбинированных эллипсоида, быть может, ничего общего с традиционными заградительными окружностями и не имеют, однако нельзя отрицать, что это очень действенная защита. Если же исключить ее из соревнований, потому что ее слишком трудно прорвать, все о ней вскоре забудут. Новоиспеченный рифматист, оказавшись в бою, лишится возможности спасти свою жизнь, потому что даже подозревать не будет о существовании защиты Блада!

– Смотрю, ты не зря ходил на мои лекции! – вскинул брови Фитч.

Джоэл кивнул.

– Похоже, весь в отца. Тот тоже интересовался рифматикой. – Профессор в нерешительности помедлил, а затем склонился над ухом Джоэла. – Ты хочешь того, что запрещено традициями. Однако всегда есть те, кто готов традиции нарушать. Открываются современные университеты. Новопеченные профессора, молодые и амбициозные, готовы учить рифматике всех желающих. Подрастешь и поступишь в такой университет! Конечно, рифматиста из тебя не сделают, однако мечта твоя исполнится. Ты будешь изучать рифматику!

Джоэл поколебался. Предложение звучало заманчиво. По крайней мере, это был план! Он уже смирился, что рифматистом ему не стать. Однако если он поступит в один из этих университетов...

– Думаю, мне там понравится! – закончил он мысль вслух. – Но разве меня возьмут, если я прежде не учился у профессора рифматики?

– Может, возьмут, – сказал Фитч и в задумчивости легонько постучал столовым ножом по краю тарелки. – А может, и нет! Если бы я только мог стать твоим наставником...

Фитч посмотрел на сидевших во главе стола Нализара и профессоров, а затем опустил взгляд на еду.

– Нет... Нет, сынок. Тут я тебе не помощник. Слишком уж все это из ряда вон! Тут из-за меня и так, смотри, какая буча поднялась! Мне очень жаль, сынок. Очень жаль!

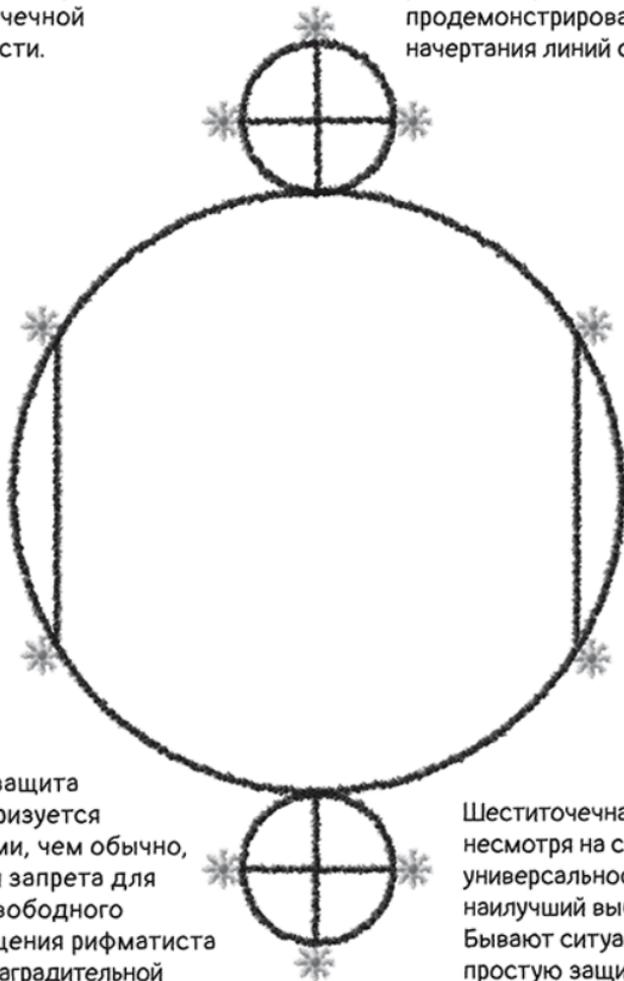
Джоэл получил от ворот поворот. Он встал, спрятал руки

в карманы брюк и пошел прочь.

ЗАЩИТА МЭТСОНА

Защита Мэтсона — превосходный пример рифматической конструкции, использующей все преимущества защиты, построенной на основе шеститочечной окружности.

Вдобавок защита Мэтсона имеет большее количество точек привязки для меллингов, позволяя рифматисту во всей красе продемонстрировать свои навыки начертания линий созидания.

Данная защита характеризуется меньшими, чем обычно, хордами запрета для более свободного перемещения рифматиста внутри заградительной

Шеститочечная окружность, несмотря на свою универсальность, не всегда наилучший выбор рифматиста. Бывают ситуации, когда простую защиту использовать

Глава 06

Ночи Джоэл ненавидел.

С наступлением темноты нужно было ложиться спать, а это означало, что впереди еще одна бессонная ночь. И хотя за день он уставал донельзя, уснуть все равно не получалось.

Они с матерью ютились в комнате семейного общежития. У них имелась кладовка, которая по совместительству служила им раздевальной. На этаже в конце коридора распола-

галась общая умывальная. Комната была крохотной: четыре кирпичные стены, узкое оконце да кровать. Когда у матери случался отпуск, Джоэл спал на полу. Во все остальное время кровать принадлежала ему. Под утро он приводил постель в порядок, чтобы мать могла отдохнуть после ночной смены.

Когда-то они жили в просторном помещении, которое примыкало к меловой мастерской отца в подвале общежития. После несчастного случая мать попросила у ректора разрешения переехать в другую комнату. Джоэл на мать не обижался. Слишком уж много воспоминаний связывало их с этой мастерской.

Джоэл лежал уставившись в потолок. Иногда он выходил по ночам на лужайку, чтобы почитать в свете уличного фонаря, однако это всегда грозило неприятностями. Мать была почти уверена, что плохая успеваемость напрямую связана с его ночными вылазками.

Тусклого света фонарей хватало, чтобы разглядеть начерченные на потолке комнаты линии. Защита Истона была одной из сложнейших заградительных окружностей ортодоксальной рифматики. Джоэл внимательно осмотрел дуги, линии запрета, составляющие неполный нонагон, а затем и малые круги на точках привязки.

Набросок, как Джоэл сам себе признавался, был неуклюжим. Еще два года назад своей работой он гордился, ныне же недостатки резали глаз. Малые круги были нечеткими, а девять точек привязки находились отнюдь не там, где долж-

но. Если бы рифматист начертил такую защиту на дуэли, то дугу прорвали бы за считанные секунды. Джоэлу и по сей день частенько не удавалось вписать нонагон в заградительную окружность, не прибегая к помощи эскизов из учебника. Достаточно было ошибиться лишь в одной точке привязки, чтобы поставить под угрозу целостность защиты Истона.

Целостность... Целостностью тут и не пахло! Рифматисты чертили, а он по-прежнему рисовал. Мазня мелом на штука-турке, не имеющая никакой силы. Джоэл зажмурился и стиснул зубы. Иногда он ненавидел рифматику. Все в этой науке было завязано на конфликте, борьбе. И почему она не могла служить каким-нибудь благим целям?

Джоэл повернулся на бок. Неужели Майкл прав? Неужели он и в самом деле чересчур увлекся рифматикой? Все как один твердили ему об этом: друзья, мать, и вот теперь еще профессор Фитч!

И все же... ничто другое так его не увлекало. Казалось, лишь в этом он был силен. Разве сможет он без рифматики быть самим собой? Без всяких экивоков ему дали понять, что никакое образование не позволит ему стать одним из привилегированных студентов. Тогда как жить дальше? Покорно изучать общеобразовательные дисциплины, как того все от него ожидают? Быть прилежным мальчиком и после академии устроиться клерком? Но для чего? Чтобы шагнуть по социальной лестнице на одну ступень выше, чем его родители? Чтобы не тянуть лямку простого рабочего?

Или все-таки рискнуть? Упрямо преследовать мечту и стремиться попасть в университет? Попробовать стать ученым, экспертом в рифматике? Фитч вселил в него надежду и тут же разбил ее вдребезги!

При этом воспоминании Джоэл едва не вскипел, но тут же себя осадил. Профессор ни в чем не виноват! Фитч был бы и рад взять его в ученики, и даже на секунду допустил такую мысль, однако слишком уж его потрясла дуэль, чтобы осмелиться обратиться к ректору с просьбой такого характера.

«Что ж, ничего не поделаешь! Все лето Фитч будет обучать студентов, которых назначил ему ректор Йорк... – подумал Джоэл, и тут у него в голове зародился план – глупый и отчаянный. – Нужно завалить экзамен по истории!»

При этой мысли Джоэл улыбнулся.

* * *

– Вновь напоминаю вам, как важен этот экзамен, – сказал профессор Ким.

Историк был одним из немногих иностранцев в составе преподавателей. Его родители перебрались на Соединенные Острова, когда он был еще ребенком. И хотя говорил он без акцента, угадать его истинное происхождение не составляло труда. Цвет кожи и разрез глаз выдавали в нем азиата.

Когда преподавателем истории назначили иммигранта, поднялся нешуточный переполох. Родители студентов

взволновались, сомневаясь в компетентности профессора. А вдруг он вздумает преподавать историю с чосонской точки зрения? Такая реакция Джоэла немало удивила: зачем профессору, пускай и иммигранту, искажать правду, которую весь мир давным-давно принял? Чосонский народ завоевал Европу, и вряд ли кто в здравом уме этот непреложный факт возьмется оспаривать.

– Экзамен – пятьдесят процентов вашей итоговой оценки, – говорил профессор Ким, продвигаясь между рядами парт и раздавая бланки с тестами. – На все про все у вас два часа. Времени более чем достаточно, поэтому не торопитесь.

Профессор Ким носил костюм и галстук-бабочку. В отличие от своих соотечественников, выпускников университетов Франции и Испании, он понимал, что среди американских профессоров, предпочитавших деловой стиль, ему лучше не выделяться. Именно поэтому традиционного чосонского наряда в своем гардеробе он избегал.

Джоэл вписал свое имя вверху бланка и прочитал три вопроса, на которые требовалось дать развернутый ответ.

«Проанализируйте события и укажите возможные причины открытия рифматики».

«Расскажите, какие последствия имело изгнание монарха из Британнии».

«Подробно опишите ранний этап борьбы с дикими меллингами и их последующее заточение в Башню Небраска».

Ответы на все эти вопросы Джоэл знал. Причем знал дос-

конально. Как Грегори Третьего свергли с престола чосонские вторженцы, он представлял себе едва ли не лучше самого короля. Именно Соединенные Острова Америки, несмотря на исторически сложившиеся напряженные отношения с Британией, предоставили Грегори убежище. Лишившись политической власти, бывший монарх быстро переобулся и стал религиозным лидером. А когда на западе появились дикие меллинги и принялись угрожать всему живому на островах, бывший король Британии открыл рифматику и стал первым в мире рифматистом. Примечательно, что к тому времени монарх уже был стариком.

Джоэл, упустивший свой шанс, прекрасно сознавал, что ждать повторения подобной истории слишком самонадеянно, и все же... Раз это случилось прежде, почему бы не случиться вновь? Вдруг он тоже сможет стать рифматистом?

Джоэл принялся строчить ответы на вопросы. Неправильные ответы, вызывавшие у него внутреннее отторжение. От этого теста на пятьдесят процентов зависела его итоговая оценка. Если он его завалит, все лето будет вынужден заниматься с наставником.

«Мать меня точно убьет!» – подумал Джоэл, расправляясь с последним вопросом шуткой про кимчи, которая своей характерной вонью якобы заставила диких меллингов искать спасения в Башне.

Не прошло и нескольких минут после начала экзамена, как Джоэл встал из-за парты, подошел к кафедре и сдал

бланк с итоговым тестом.

Работу профессор Ким принял не без колебаний. Пробегав глазами три незатейливых ответа, он нахмурился.

– Мне кажется, тебе следует еще немножко подумать.

– Нет, – отозвался Джоэл. – Я хорошо подумал.

– Джоэл, что с тобой? Ты вообще слушал, когда я говорил, насколько этот тест важен?

– Разумеется, я слушал вас, профессор.

Ким вновь уставился на бланк.

– Полагаю, тебе стоит обсудить это с ректором, – сказал он и нацарапал записку в канцелярию.

«То, что доктор прописал!» – подумал Джоэл, принимая из рук профессора послание.

* * *

Добравшись до здания администрации, Джоэл прошел в приемную, где застал Флоренс за работой. На этот раз девушка и в самом деле усердно трудилась. В помещении царил тишина, только перья скрипели по бумаге.

Когда Джоэл переступил порог, Экстон – сегодня в бабочке и подтяжках голубого цвета – поднял взгляд и в удивлении уставился на своего посыльного.

– Джоэл? Неужели уже пять пар пролетели? – Он глянул на часы в углу, поправил очки и прибавил: – Не похоже...

– Профессор Ким отправил меня к ректору, – доложил

Джоэл, протягивая записку.

– Вот те на!.. – воскликнула Флоренс. – И что ты натворил на этот раз?

Сев на один из стульев у стены, Джоэл скрылся от пристального взгляда Экстона за дубовой конторской стойкой.

– Джоэл! – скрестила руки Флоренс. – Признавайся, в чем дело?

– Я не подготовился к экзамену.

– Но твоя мама говорила, у тебя все под контролем!

На это Джоэл ничего не ответил. Его охватило нервное возбуждение. Сердце норовило выпрыгнуть из груди. Он до сих пор не мог поверить в содеянное. Да, иногда он забывал выполнить домашнее задание или подготовиться к занятию... Однако он никогда не делал этого нарочно. Намеренно испортить себе оценку? Да ни в жизнь!.. Тем не менее на протяжении четырех лет обучения в академии Джоэл из года в год умудрялся какой-нибудь экзамен да завалить. А порой и не один! Обычно за такие «подвиги» студентов Армедиуса гнали взашей.

– Что ж, какова бы ни была причина, придется обождать, – сказала Флоренс, взглядывая на записку. – Ректор сейчас...

Дверь в приемную с грохотом распахнулась, и на пороге возник Нализар в бордовом, почти до пят, сюртуке.

– Профессор Нализар? – спросил Экстон, вставая. – Что угодно?

Уложенная по последней моде светлая шевелюра и ее хо-

зьяин величественно вплыли в приемную. Похоже, Нализар побрезговал сюртуком Фитча: одеяния его выглядели совершенно новыми, идеально подогнанными по фигуре. От возмущения Джоэл чуть не зашипел на него. Выходит, Нализар намеренно унизил Фитча, заставив того снять сюртук на глазах у всей аудитории, тогда как у самого был давным-давно заготовлен новый сюртучишко!

– До меня дошел слух, что ваши студенты разносят послания посреди занятий и отнимают у рифматистов драгоценное время, отведенное на тренировки!

От этих слов Флоренс аж побледнела. Экстон же, напротив, как будто и не смутился.

– Послания бывают срочными, профессор. Такие разрешается доставлять прямо среди занятий. Или мы должны предложить профессорам рифматики самим каждую перемену приходиться и справляться, нет ли чего срочного?

– Не юродствуйте, юноша! – махнул на него рукой Нализар; на его пальцах алела меловая пыль. – Я прекрасно понимаю, что заминки на занятиях неизбежны. Однако меня беспокоит нечто иное... Неприкосновенность кампуса рифматистов! Нельзя допускать, чтобы по их аудиториям разгуливали студенты, не имеющие к оным совершенно никакого отношения!

– И что же вы предлагаете? – невозмутимо поинтересовался Экстон. – Отправлять послания с рифматистами? Однажды я имел неосторожность попросить рифматиста себе в

помощники... Как думаете, что мне ответили?.. Что их время «слишком ценно».

– Мисс Манс, попрошу войти! – рявкнул Нализар.

В комнату вошла кудрявая девочка. Ее рыжие волосы резко выделялись на фоне серого джемпера и белой юбки. Это была та самая Мелоди, которая посещала вместе с Джоэлом занятия по математике у Лейтона.

– Мисс Манс демонстрирует просто вопиющую некомпетентность в вопросах, касающихся базовой рифматики, – произнес Нализар. – Подобное невежество ставит под угрозу не только ее жизнь, но и жизнь тех, кто будет сражаться с ней плечом к плечу против диких меллингов. Было решено, что ее должно так или иначе наказать. Каждый день после летнего факультатива Мелоди будет являться в канцелярию и помогать с поручениями для рифматистов.

Мелоди тихонько вздохнула.

– Полагаю, такое решение вас устроит? – спросил Нализар.

Экстон помедлил, а затем кивнул. Однако Джоэлу сохранить спокойствие не удалось.

– Вы ведь выдумали все это из-за меня! – вспыхнул он.

Нализар обратил внимание на Джоэла и нахмурился:

– А ты у нас кто?..

– Я смотрю, вы прямо-таки расстарались, чтобы выставить меня из своей аудитории раз и навсегда! – едва не рычал Джоэл.

Нализар смерил его взглядом и задумался.

«Меллинг меня побери! – подумал Джоэл. – Да ведь он даже не узнает меня! Он вообще замечает кого-нибудь дальше своего носа?..»

– Наглый мальчонка, – равнодушно произнес Нализар. – Я вынужден принять меры. Ничто не должно отвлекать рифматистов от занятий. С этой минуты и впредь будет так!

И он прошествовал к выходу.

Мелоди села на один из стульев у двери, открыла блокнот и принялась рисовать.

– Поверить не могу, что он пошел на это! – воскликнул Джоэл, опускаясь на свое место.

– Не думаю, что Нализару есть хоть какое-то до тебя дело, – отозвалась Мелоди, не отрываясь от рисования. – Просто любит, когда у него все под контролем. Поступил он так для вящего самоутверждения – ни больше ни меньше.

– Да он просто издевается! – прорычал Джоэл.

– Нет, полагаю, он мыслит как солдат, – отвечала Мелоди. – Нализар считает, что между простыми смертными и рифматистами должна быть граница. А границу, как известно, нужно охранять. Он говорит, что нам нужно вести себя осторожнее, когда мы находимся в обществе. Дескать, если не будем сдержанны, то вокруг нас вырастет армия подхалимов, которая впоследствии помешает нам исполнять святой долг рифматиста...

– Мелоди, дорогая моя, – оборвала ее Флоренс. – Это

несусветная чушь!

– О?.. – похлопав глазами, удивленно воззрилась Мелоди на Флоренс.

– Погоди, – перебил Джоэл. – А почему ты не вернулась в аудиторию с Нализаром?

– Ну... – Мелоди скорчила гримасу. – В общем, он меня выгнал...

– Выгнал? – переспросил Джоэл. – Выгнал из аудитории? Что ты такого натворила?

– Мои круги ранили его душу, – сказала Мелоди и для большего эффекта прищелкнула пальцами. – И чего все помешались на этих несчастных кругах? Какая разница, кривой круг или ровный?!

– Ровная заградительная дуга играет жизненно важную роль для структурной целостности всего защитного круга, – пояснил Джоэл. – Если дуга окружности далека от идеала, то поражение лишь дело времени. Как только меллинг доберется до твоих укреплений, ты пропала! Каждый уважающий себя рифматист в первую очередь должен научиться чертить ровные окружности. Это основа основ!

– Да ты и впрямь мела наглотался! – воскликнула Мелоди. – Вещаешь, аки твой зануда профессор! Неудивительно, что остальные студенты называют тебя странным!

Джоэл покраснел. Похоже, даже рифматисты считали, что он чересчур увлекается рифматикой.

Дверь в дальнем конце приемной открылась, и раздался

голос ректора:

– Флоренс? Кто там следующий?

Джоэл поднялся и встретился взглядом с ректором-исполнином, который руководил их академией.

– Джоэл?.. – удивился Йорк и нахмурился; казалось, его усы еще больше поникли.

Флоренс пересекла приемную и вручила ректору записку от профессора Кима. Йорк пробежал ее глазами и тяжело вздохнул. Громкий, рокочущий звук эхом отразился от стен.

– Что ж, проходи...

Джоэл обошел конторскую стойку и направился за Йорком. Флоренс сочувственно покачала головой.

Кабинет был отделан светло-ореховыми панелями, под ногами лежал зеленый, точно трава, ковер. На стенах висели всевозможные дипломы, грамоты и благодарности. Посреди помещения стоял огромный, под стать ректору, стол. Йорк опустил на свое место и жестом велел Джоэлу присаживаться напротив.

Устроившись перед величественным столом и его устрашающим хозяином, тот совершенно смешался. В этом кабинете он бывал трижды: в первый, во второй и в третий годы обучения. И каждый раз по одной и той же причине – неуспеваемость по одному из предметов. За спиной слышались мягкие шаги по ковру. Флоренс вручила Йорку какую-то папку и удалилась, притворив за собой дверь. В кабинете не было ни одного окна. Освещали комнату тихонь-

ко вращающиеся заводные светильники – по паре на каждой стене.

Йорк погрузился в изучение материалов папки, оставив Джоэла обливаться потом в звенящей от напряжения тишине. В кабинете раздавались лишь шелест бумаги, пощелкивание светильников да тиканье часов. Время тянулось, точно патока, и с каждой минутой Джоэла все больше одолевали сомнения. А что, если план провалится?

– Джоэл, – наконец обратился к нему ректор Йорк неожиданно снисходительным тоном. – Надеюсь, ты понимаешь, насколько тебе повезло оказаться среди студентов академии?

– Разумеется, сэр.

– Детям служащих обучаться здесь не дозволяется, – вещал ректор. – Тебе же я разрешил из уважения к твоему отцу. Я сделал ему одолжение...

– Понимаю, сэр.

– Любому другому студенту я бы давно указал на дверь. Ты прекрасно знаешь, что мне никто не указ, и я исключил уже не одного и не двух отпрысков рыцарей-сенаторов. Не пощадил я и внучатого племянника нашего монарха... А вот с тобой все цацкаюсь! Не задумывался почему?

– Потому что преподаватели говорят, что у меня светлая голова?

– Не угадал. Скорее, наоборот. Твой интеллект – повод тебя исключить. Как по мне, прилежный ученик с плохими данными академии гораздо нужнее, нежели одаренный, но

безответственный. Нет ничего хуже, чем разбазаривать дарованный природой потенциал!

– Ректор, я пытаюсь. Правда, я...

Йорк вскинул руку, останавливая изливания Джоэла.

– Кажется, однажды я это уже слышал... Ах да! Конечно, слышал! В прошлом году!

– Вы правы, сэр.

Несколько мгновений Йорк сидел в задумчивости, а затем достал лист бумаги. Бланк сплошь пестрел оттисками гербовых печатей. Это не было похоже на служебную записку об оказании помощи неуспевающему студенту. Отнюдь! Это был приказ об отчислении!

Джоэла охватил панический ужас.

– Твои родители. Вот единственная причина, по которой ты проучился здесь так долго. Однако свой кредит доверия ты исчерпал. Притом уже давно.

– Сэр... Теперь я все понял! Отныне я...

Ректор вновь вскинул руку, не желая ничего больше слышать. Джоэл подавил в себе раздражение. Что же делать? Йорк не дает и слова вставить! Прошлой ночью, когда он лежал в темноте, план казался смелым и хитроумным. Однако сейчас он сидел на бочке с порохом, которая была готова взорваться в любую секунду.

Йорк взялся за перо.

– Я провалил тест намеренно! – воскликнул Джоэл.

Ректор поднял взгляд.

– Я нарочно написал неверные ответы!

– С какой стати тебе это делать?

– Чтобы остаться на лето с репетитором по истории.

– Джоэл, ты мог просто попросить профессора Кима взять тебя на летний курс, – заметил Йорк.

– Но профессор Ким для летнего факультатива избрал тему «Европейская культура в период чосонского ига!» – сказал Джоэл. – Я специально завалил историю рифматики, чтобы летом заниматься именно рифматикой.

– Хорошо, тогда что помешало тебе подойти к другому преподавателю? – строго спросил Йорк. – Ты повел себя неприемлемо! Саботировать собственную итоговую оценку! Едва ли тебе есть оправдание!

– Я обращался к другому профессору, – возразил Джоэл. – Но Фитч сказал, что обыкновенным студентам воспрещается учиться у преподавателей рифматики.

– Уверен, профессор Ким что-нибудь придумал бы для тебя. Составил бы индивидуальную программу, например... Постой, ты сказал, что разговаривал с Фитчем?

– Да.

– Так ведь он рифматист!

– В этом-то вся суть, сэр, – закивал Джоэл, теряясь в догадках, как объяснить ректору свой непростой план. – Дело в том, что тест я завалил не для того, чтобы заниматься историей, а для того, чтобы изучать рифматические линии. Мне кажется, если я попаду к Фитчу на летний курс истории

рифматики, то смогу упротить его объяснить мне и основы боевой рифматики – защиту и нападение.

Джоэл нервно сглотнул, ожидая насмешки, коей его обычно награждали, когда он заговаривал о рифматике, но ректор отнесся к его желанию с пониманием.

– Ах вот оно что... – сказал Йорк. – Нам, взрослым, эту подростковую логику понять сложно, однако если на секундочку задуматься, то все как будто встает на свои места. Сын-нок, почему же ты сразу не обратился ко мне?

Джоэл удивленно похлопал глазами:

– Полагаю, такой шаг с моей стороны показался бы всем слишком самонадеянным. Стали бы показывать на меня пальцем, дескать, лезет, куда не надо, вопросы задает...

– Профессор Фитч любит вопросы, – заверил Йорк. – Особенно от студентов. Он один из немногих оставшихся в академии преподавателей старой закалки.

– И тем не менее учить меня он отказался.

– Таковы уж традиции, – отозвался Йорк.

Он отложил приказ об отчислении, вытащил другой бланк, пробежал его глазами и замер в нерешительности.

– Сэр? – с новой надеждой в голосе окликнул его Джоэл.

Йорк отложил бланк.

– И все-таки нет! – наконец произнес он. – Фитч сделал все верно. Джоэл, есть правила, и нарушать их нельзя. Обыкновенным студентам обучаться рифматике не допускается.

Джоэл зажмурился.

– Однако! – продолжал мысль Йорк. – Я поручил Фитчу один очень важный проект, и ему непременно понадобится помощь. На твоё счастье, назначить научным ассистентом я могу кого угодно, и нет такого правила, которое запретило бы мне это сделать.

При этих словах ректора глаза Джоэла широко распахнулись. Между тем Йорк вытянул ещё один бланк.

– Конечно, всё это при условии, что научный ассистент не будет донимать своего наставника, ведь я уже назначил Фитчу студента, и мне не хотелось бы перегружать профессора работой.

– Обещаю, я не буду его донимать! – с жаром воскликнул Джоэл.

– Подозреваю, узнав о твоём назначении, Нализар не на шутку рассердится. А если учитывать все его попытки к сегрегации студентов, для него это станет настоящей трагедией!

Йорк улыбнулся, и сердце Джоэла затрепетало от радости.

– Правда, есть одно «но»... Я не могу назначить тебя научным ассистентом, пока ты не заслужишь право выбирать летний факультатив. – Ректор взглянул на часы. – По моим подсчётам, у тебя есть ещё сорок пять минут, чтобы вернуться на занятие к профессору Киму. Как думаешь, успеешь за это время переправить свой итоговый тест?

– Легко! – воскликнул Джоэл.

– Ну что ж... – Йорк похлопал ладонью по бланку на сто-

ле. – Назначение будет дожидаться тебя здесь. Если до конца дня появишься в моем кабинете с удовлетворительной оценкой за экзамен по истории, сможешь величать себя научным ассистентом профессора Фитча!

Не прошло и пары секунд, как Джоэл выскочил за дверь и помчался через лужайку на экзамен к профессору Киму. Запыхавшийся, он ворвался в аудиторию – от его внезапного появления все вздрогнули. Студенты по-прежнему корпели над итоговым тестом.

Экзаменационный бланк Джоэла все еще лежал на столе у профессора Кима.

– Ректор убедил меня попытаться еще раз! – выпалил Джоэл. – Можно мне новый бланк?

– Ты все это выдумал, чтобы раздобыть ответы? – спросил Ким и сомкнул кончики пальцев.

– Сэр!.. Клянусь, что это не так! – горячо возразил Джоэл. – В канцелярии подтвердят! Все это время я дожидался ректора и даже не думал заглядывать в учебники!

– Что ж, это очень хорошо, – сказал Ким, взглядывая на часы. – Но закончить тебе придется вместе со всеми.

Не успел профессор достать и вручить Джоэлу новый бланк, как тот уже схватил чернильницу, перо и помчался на свое место. Джоэл яростно скрипел пером до самого боя часов, возвещавшего окончание занятия. Воззрившись на последний вопрос, на который не успел толком ответить, Джоэл глубоко вздохнул и присоединился к студентам, по очере-

ди сдающим работы на кафедру. Дождавшись, пока все уйдут, он вручил профессору свой тест. Ким побежал глазами ответы Джоэла и удивленно вскинул брови.

– Похоже, к ректору на ковер тебя следовало отправить еще несколько месяцев назад. Знал бы я заранее, что будет такой результат!

– А не могли бы вы прямо сейчас проверить мою работу? – спросил Джоэл. – Мне нужно знать, сдал я или нет.

Ким глянул на часы, достал перо, обмакнул его в чернильницу и принялся читать. Джоэл терпеливо ждал. Сердце гулко билось, пока профессор снимал балл то тут, то там.

Наконец Ким подвел внизу бланка итог.

– Я сдал? – спросил Джоэл.

– Да, – ответил Ким. – Но скажи, пожалуйста, почему ты не ответил так с первого раза? Мы ведь оба знаем, что в этом вопросе ты подкован хорошо.

– Думаю, мне просто не хватило мотивации, – сказал Джоэл. – Сэр, вы не могли бы написать ректору записку, что я справился?

– Отчего бы и нет! А как ты смотришь на то, чтобы углубиться этим летом в курс истории?

– Может быть, в следующем году, – воспрянув духом, отвечал Джоэл. – Но за предложение благодарю!

Вернувшись вскоре в канцелярию, Джоэл обнаружил, что заполненный бланк уже дожидается его в приемной. Согласно документу, на все время летних каникул Джоэл поступал

в распоряжение профессора Фитча в качестве научного ассистента. Тут же была приложена и записка от ректора:

В следующий раз, когда вздумаешь разводить самодеятельность, попробуй сначала обратиться ко мне. Я считаю неправильным стремление рифматистов окончательно обособиться от остальных студентов в кампусе.

Теперь насчет профессора Фитча. Мне очень любопытно, как он будет справляться со своим новым проектом. Инспектор Хардинг настаивал, чтобы для решения этой проблемы я привлек лучшего рифматиста академии. Очень жаль, конечно, что с Фитчем приключилась такая неурядица, однако выходка Нализара оказалась нам на руку. Благодаря этому не слишком удачному стечению обстоятельств у профессора высвободилась уйма времени.

Если не возражаешь, я попрошу тебя держать меня в курсе дела. Время от времени буду запрашивать отчет о проделанной работе. Так что – ухо остро!

Ректор Йорк

Часть вторая

ЛИНИИ ЗАПРЕТА

Для каждого рифматиста важно отдавать себе отчет, где и зачем он чертит линию запрета, поскольку начертанную линию запрета невозможно преодолеть даже самому начертателю.

На этом эскизе линия запрета закрывает тыл рифматиста и предохраняет заградительную окружность от преждевременного разрушения.

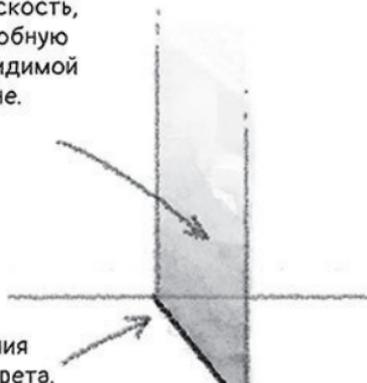

Рифматист должен учитывать, что ни один человек не способен перешагнуть линию запрета.

В зависимости от ситуации это может быть как полезно, так и весьма опасно.

Вычерчивая линию запрета, рифматист воздвигает в воздухе плоскость, подобную невидимой стене.

Вычерчивая линию запрета, рифматист должен помнить, что он не сможет протянуть за нее руку, чтобы нарисовать меллинга или выстрелить линией силы. Кроме того, рифматист может оказаться в ловушке, поскольку распыление линии силы занимает четыре секунды.

Линия запрета.

Глава 07

На следующее утро Джоэл спозаранку покинул общежитие и направился в кампус рифматистов. Глубоко вдыхая, он наслаждался ароматами цветущих деревьев и свежескошенной травы. Кампус насчитывал четыре корпуса старинной кирпичной кладки. Каждый именовался в честь одной из четырех рифматических линий. Кабинеты профессоров располагались в верхних этажах.

Джоэл отворил дверь корпуса защитных искусств и прошел на тесную лестничную клетку. Поднявшись на третий этаж, он оказался перед массивной дверью из свилеватой древесины. Выглядела она очень древней, что, впрочем, вполне вписывалось в общий антураж кампуса рифматистов.

Юноша в нерешительности помялся на месте. Никогда прежде ему не доводилось бывать в кабинете профессора рифматики. Профессор, конечно, слыл человеком благодушным, однако кто его знает, как он отреагирует на то, что Джоэл прыгнул через его голову и обратился к ректору Йорку напрямую?

Выяснить это можно было только одним способом. Джоэл постучал в дверь. Минуло несколько мгновений – ни звука. Он занес руку, чтобы постучаться вновь, как вдруг дверь распахнулась и его взгляду предстал профессор в расстегнутом сером сюртуке, белой жилетке и брюках.

– Да?.. Чем обязан? – спросил Фитч. – А, это снова ты, парень! Ну, рассказывай, что на этот раз привело тебя ко мне?

Джоэл неуверенно протянул профессору бланк, заполненный ректором Йорком.

– Гм... Что это? – Фитч взял листок. – Научный ассистент? Ты?

Джоэл кивнул.

– Ха!.. – воскликнул Фитч. – Гениально! И как я сам не додумался?! Ну-ну!.. Не стой на пороге, проходи, сынок!

Джоэл облегченно выдохнул, позволяя Фитчу увлечь се-

бя в кабинет, который напоминал скорее коридор, чем комнату. Шириной всего в несколько шагов, этот туннель из громоздящихся вдоль стен книг уводил куда-то в необозримую даль. Несколько узеньких окон справа сочились дневным светом, освещая бедлам из мебели и всяческих безделушек, грудями лежащих вдоль стен. Под потолком, щелкая пружинным механизмом, сияли два небольших светильника.

– И как я мог сомневаться, что ректор Йорк все устроит? – сетовал Фитч, лавируя между стопками книг. – Блестящий управленец! Одним небесам известно, как он умудряется держать в узде эту толпу бесноватых, чье эго родилось вперед них самих. Все смешалось! И сыновья рыцарей-сенаторов, и рифматисты, и хваленые герои Небраска... Ой-ой-ой!..

Джоэл последовал за профессором. Точно балкон, комната тянулась вдоль наружной стены здания, поворачивала и бежала под прямым углом в северном направлении, пока не упиралась в глухую стену, у которой стояла небольшая, аккуратно заправленная кровать. Убранство постели Фитча – тщательно разложенное стеганое покрывало и заткнутые простыни – резко выделялось на фоне всеобщего беспорядка, царящего в сумраке этого кирпичного туннеля.

Притулившись в углу, Джоэл наблюдал, как Фитч откапывает из-под завалов бержерку и стул плюшевого гарнитура. Кабинет был затхлый. В воздухе стоял запах старых книг, по-

желтевшего пергамента и отсыревшего кирпича. И хотя снаружи уже веяло летним теплом, в обителище Фитча все ежилось от прохлады.

Джоэл поймал себя на невольной улыбке: кабинет профессора оказался именно таким, каким он его себе и представлял. На стене слева висело множество рифматических эскизов, начерченных, судя по всему, в незапамятные времена. Некоторые из них были в рамке под стеклом, и все без исключения сопровождалось подробными комментариями. Повсюду высились пирамиды книг, на фундаменте которых уже возрастали стопки других научных трудов. Тут и там взгляд натывался на полузарытые в хламе экзотические безделушки: на флейту, по всей видимости, откуда-то с востока; на керамическую чашу, украшенную цветной глазурью; на несколько египетских картин...

А рифматические линии... Они были везде и всюду: изображены на картинах, отпечатаны на форзацах книг, выцарапаны на половицах, вплетены в палас и даже нарисованы на потолке.

– Я ведь и сам обращался ректору с просьбой отрядить мне помощника, – сказал Фитч, копошась в завалах. – Но просить в ассистенты студента-нерифматиста? Нет, так попирает традиции я бы никогда не осмелился. Хотя никаких запретов, насколько мне известно, не существует, и... Эй, парень?

– А?.. – отозвался Джоэл, взглядывая на пожилого про-

фессора.

– Убранство моего кабинета привело тебя в замешательство? – спросил Фитч. – Прошу прощения, бардак тут и в самом деле невероятный. Я все время напоминаю себе прибраться, но так как никого, кроме меня – ну и теперь вот тебя, – тут не бывает, то и наводить красоту, собственно, ни к чему.

– Нет, что вы! Ваш кабинет просто идеальный! Я... – В этот миг Джоэл подумал, что не сумеет передать свои мысли словами. – В общем, у меня такое ощущение, будто я оказался дома!

Фитч улыбнулся, оправил длинный сюртук и уселся в бер-жерку.

– Ну что ж! Тогда мне следует тебя чем-нибудь озадачить! Дай-ка поразмыслить...

Он осекся: до их ушей донеслось слабое эхо нерешительного стука в дверь. Фитч вскинулся на ноги.

– Это еще кого принесло? Ах да!.. Совсем забыл! У меня же еще один студент есть!

– Еще один?.. – переспросил Джоэл, поворачивая следом за угол и пробираясь через завалы коридора.

– Ну да, – отозвался Фитч. – Йорк препоручил мне заняться ее индивидуальным обучением. По моему предмету... То есть теперь уже по предмету Нализара... В общем, по курсу рифматики, которая у нее хромает на оба колена!

– А это случайно не... – начал было Джоэл, но смолк, когда Фитч отворил дверь.

Ну конечно! Кто бы сомневался! На пороге стояла Мелоди собственной персоной – рыжая, кудрявая и в белой юбке. Серый джемпер она променяла на блузку с коротким рукавом. На этот раз девочка показалась Джоэлу даже симпатичной – по крайней мере, ее глаза.

– А вот и я! – объявила во весь голос Мелоди. – Ну что, приступим к порке?

Симпатичная и сумасшедшая. К сожалению.

– К порке? – переспросил Фитч. – Дорогая, ты себя хорошо чувствуешь?

– Профессор, это я так пытаюсь сказать, что смирилась со своей судьбой, – объяснила Мелоди, перешагивая порог.

– Ах вот оно что! Ну и славно! – поманив Мелоди, профессор развернулся и направился мимо Джоэла вглубь каби-

нета.

Пока Фитч тщился отыскать что-то среди груды книг, Мелоди приблизилась к Джоэлу.

– Скажи-ка... только честно! – шепнула она. – Ты меня преследуешь?

– Что?.. – вздрогнул Джоэл.

– Начнем с того, что математикой ты занимаешься у того же профессора, что и я!

– Студентов распределяет администрация академии!

– Кроме этого! – Мелоди точно не слышала его возмущенного возгласа. – Ты устроился на ту же подработку в канце-

лярии, на которую, к моему великому сожалению, теперь вынуждена ходить и я.

– Я подрабатываю там с начала семестра!

– А затем ты выследил меня и настиг в кабинете Фитча! Довольно подозрительно, не находишь?

– Да больно мне надо тебя преследовать! Я пришел к профессору гораздо раньше!

– Ну-ну! Очень удобно! – горячилась Мелоди. – Короче, не вздумай шастать под моим окном по ночам! Иначе сброшу тебе что-нибудь тяжелое на голову и всю академию на уши подниму!

– Ага!.. – воскликнул Фитч, вытаскивая большой альбом для эскизов.

Профессор перевел взгляд на стену и задумчиво потер подбородок. Поразмыслив, он ткнул пальцем в один из чертежей, который изображал упрощенную защиту Мэтсона, и снял его со стены. Отодвинув ногами книги и освободив место на полу, Фитч обратился к Мелоди:

– Итак, юная леди! Вероятно, вы уже сочли себя безнадежной? Однако это не так! Ни за что не поверю в эту чушь! Вам нужно лишь повторить основы практической рифматики.

Фитч сгрузил эскиз защиты Мэтсона на пол, вырвал лист из большого альбома и положил его поверх чертежа.

– Копирование? – вздохнула Мелоди.

– Именно оно!

– Мы же этим в седьмом классе занимались!

– Так вот поэтому, моя дорогая, твой курс и называется «Индивидуальный коррекционный»! Сделаешь десять копий этого чертежа, а там, глядишь, уже и домой пора будет. Не забудь про диаметры и точки привязки!

Мелоди снова вздохнула.

«Похоже, вздыхает она часто», – подумал Джоэл.

Как будто подслушав мысли, девочка метнула в него взгляд, полный немомго укора. Она точно обвиняла Джоэла, что тот стал невольным свидетелем ее унижения. Джоэлу ее вздохи были совершенно непонятны. Провести день, тренируясь рисовать рифматическую защиту, ему казалось более чем увлекательным времяпрепровождением.

– Ну, Мелоди... Приступай! – скомандовал Фитч, поднимаясь на ноги. – Для тебя, Джоэл, тоже найдется работенка.

Профессор зашагал по коридору, а Джоэл, улыбаясь в предвкушении, засеменил следом. Ректор Йорк говорил, что идея проекта, который он поручил Фитчу, принадлежала федеральному инспектору. А это означало, что дело чрезвычай-

чайной важности. Большую часть прошлой ночи Джоэл провел в постели без сна, размышляя о том, чем же таким озадачили Фитча. Наверняка чем-нибудь связанным с рифматикой, линиями и...

– ...переписными книгами, – сказал Фитч, хватая стопку томов в кожаном переплете и передавая их Джоэлу.

– Что, простите?

– Ты будешь заниматься переписными книгами, – повторил Фитч. – Твоя задача – просмотреть эти подшивки и найти все некрологи рифматистов за последние двадцать лет. После этого я попрошу тебя сверить список усопших со списком выпускников академии. Эти перечни, если что, у меня вот здесь. Каждого скончавшегося рифматиста Армедиуса, найденного в них, будешь вычеркивать.

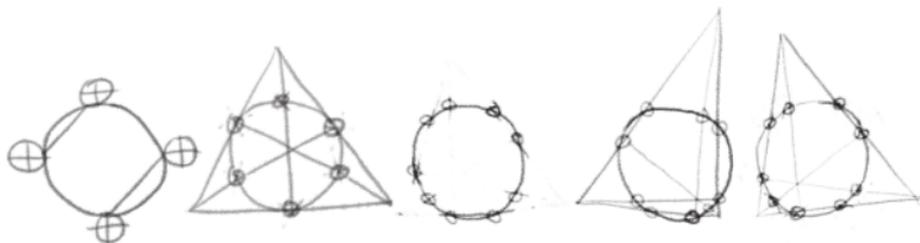
– Звучит так, будто в один присест и не справишься... – нахмурился юноша.

– В точку, Джоэл! – воскликнул Фитч. – Иначе зачем бы мне понадобился научный ассистент?

Джоэл пролистал одну из переписных книг. От корки до корки эти тома полнились некрологами со всех шестидесяти островов.

– На самом деле, сынок, тут все проще, чем кажется на первый взгляд, – подбодрил его Фитч. – Рифматисты в книгах отмечены звездочкой. Кроме того, в каждом из некрологов указывается, к какой из восьми рифматических школ он был приписан. От тебя требуется лишь внимательно про-

листать эти книги и найти всех почивших рифматистов Армедиуса, а затем вычеркнуть их из этого списка. Отдельное внимание удели студентам нашей академии. Я хочу, чтобы их некрологи ты читал с особым тщанием. Записывай в заметки все, что может показаться тебе... странным.

– Странным? – переспросил Джоэл.

– Да-да. Загадочная смерть, убийство или что-нибудь в этом роде. Каждый год из Армедиуса выпускаются порядка двадцати рифматистов. А теперь подсчитай, сколько специалистов академия подготовила за восемьдесят лет... Тысяча шестьсот, вот сколько! Мне нужны имена погибших и обстоятельства их смерти. – Профессор потер подбородок и прибавил: – Мне пришло в голову, что в академии могут быть соответствующие записи... Однако, когда мы с Экстоном сунулись проверять архив, оказалось, что строгого учета умерших выпускников администрация Армедиуса не ведет. Упущение, за которое нам – то есть тебе – теперь придется расплачиваться.

При виде беспорядочной груды переписных книг Джоэл даже присел на стул. Искоса на него глянув, Мелоди улыбнулась самой себе и вновь обратилась к своему заданию.

«Во что я только ввязался?..» – спросил себя Джоэл.

* * *

– Моя жизнь – сущая трагедия! – воскликнула Мелоди.

Оторвав взгляд от стопки книг с именами покойников, Джоэл воззрился на девочку. Та сидела на полу невдалеке и вот уже который час копировала защиту Мэтсона. Без слез на ее художества смотреть было невозможно.

Профессор Фитч, не обращая внимания на Мелоди, работал за столом в углу.

– Ну почему? – вопрошала она. – Почему из всех островитян именно меня взяли в рифматисты? Где идеальная окружность и где я? Я даже скопировать ее по-человечески не могу!

– Вообще-то... – захлопывая книгу, произнес Джоэл. – Без специальных приспособлений начертить идеальную окружность не под силу ни одному человеку. Именно это и делает рифматические дуэли такими интересными.

– Вот дотошный, – гневно сверкнула на него глазами Мелоди.

– Смотри, – сказал Джоэл, опускаясь на пол и доставая листок бумаги.

Он взял перо, обмакнул его в чернильницу и нарисовал от руки окружность. Мелоди склонилась над рисунком, присмотрелась.

– Неплохо вышло, – нехотя похвалила она.

Джоэл покачал головой и огляделся. Страницы одного из пыльных томов были заложены веревочкой. Вытащив закладку, Джоэл прижал пальцем ее конец к центру рисунка и вращением проверил радиус окружности по всей длине.

– Видишь, – сказал он. – Ошибся на целых полмиллиметра.

– Целых полмиллиметра! Подумать только! – воскликнула Мелоди. – Кому какое дело, на сколько миллиметров ты ошибся? Нет, ты точно больной!

– Исход схватки может решить малейшая неточность, – пояснил Джоэл. – Если бы мы с тобой сражались на дуэли и ты заметила бы в моей дуге изъян, у тебя были бы все шансы победить. Эти полмиллиметра стали бы моим слабым местом. Конечно, нарисовать безупречный заградительный круг невозможно, но побеждает тот, кто приблизился к идеалу.

– А не проще разрешить нам использовать какое-нибудь приспособление? Например, ту же веревочку?

– Нельзя всегда полагаться на циркуль. К тому же чертить при помощи инструмента дольше, чем от руки. Пускай моя окружность несовершенна, однако близка к идеалу, а значит, найти изъяны в ней будет непросто. Особенно если учитывать, что соперник обычно очерчивает себя заградительным кругом в пяти, а то и десяти футах. Лучше сразу учиться рисовать ровные окружности от руки. – Джоэл уселся обратно на стул. – В долгосрочной перспективе это умение обязательно пригодится. В рифматике, наверное, нет навыка важнее этого.

– Откуда ты все это знаешь? – воззрилась на него Мелоди.

– Мне эта тема очень интересна, вот и все.

– А не хочешь за меня покопировать? – подалась вперед Мелоди.

– Что?..

– Не прикидывайся дурачком! Закончи за меня эту тягомотину! Я полистаю твои книжки, а ты порисуешь свои любимые круги! Баш на баш!

– Профессор Фитч сидит практически у тебя за спиной, – кивнул на наставника Джоэл. – И вероятно, он слышал все твои слова до единого.

– Конечно, слышал, – отозвался Фитч, записывая что-то в блокнот.

– Ой!.. – поморщилась Мелоди.

– Странная ты... – заметил Джоэл.

Девочка отстранилась, скрестила и спрятала ноги под юбкой, а затем с трагизмом вздохнула.

– Еще неизвестно, каким бы ты был странным, если бы тебе пришлось влачить жалкое существование презренного раба рифматики.

– Какая ж ты раба?! – воскликнул Джоэл. – Ты избранная! И должна гордиться этим!

– Гордиться?.. Чем? Тем, что вынуждена пахать с тех пор, как мне стукнуло восемь? Тем, что должна дни напролет учиться чертить эти дурацкие круги? И все потому, что однажды от этой способности будет зависеть моя жизнь? А то и всех Соединенных Островов? Я должна гордиться тем, что у меня нет права на свободу, на волеизъявление и самоопределение? Гордиться тем, что в конце концов меня сошлют на

Небраск, чтобы сражаться? Бесчеловечно отнимать у меня еще и право хоть изредка да сетовать на судьбу!

– А может, ты просто избалованна?

Глаза ее широко распахнулись. Она даже зашипела. Мелоди схватила эскиз с листом для копирования, вскочила на ноги и протопала за угол, по пути нечаянно опрокинув стопку книг.

– Джоэл, не отвлекайся от работы, пожалуйста, – сказал Фитч, не отрываясь от своих трудов. – Больше дела, меньше слов! Особенно таких, какие распалют и мешают работать другим студентам.

– Простите, – отозвался Джоэл, принимаясь за очередную переписную книгу.

Фитч оказался прав. Несмотря на самые мрачные ожидания, работа спорилась. Однако менее скучной она от этого не становилась. И самое главное, в чем ее смысл? Неужели это «особое» поручение было не более чем предлогом, чтобы обновить архивные записи Армедиуса? А может, ректор пожелал разыскать бывших выпускников, чтобы принудить их пожертвовать академии деньги или еще что-нибудь?

После всего, через что пришлось пройти, чтобы заполучить Фитча в наставники, Джоэлу непременно хотелось поучаствовать в чем-нибудь действительно интересном. Нет, он отнюдь не ожидал чего-то грандиозного... Но переписные книги?..

За работой Джоэл раз за разом ловил себя на мыслях

о Небраске. Задание Фитча каким-то образом было связано с недавним визитом федерального инспектора... Неужели он помогает расследовать исчезновение Лили Уайтинг?

Может, девочка сбежала на Небраск? Такие, как Мелоди, понятное дело, туда не поехали бы ни за какие коврижки. Однако Джоэлу подобная поездка казалась чертовски захватывающим приключением. Темный остров, полнящийся жуткими и опасными меллингами, которые рвутся через заградительные линии рифматистов, чтобы захватить все Соединенные Острова Америки.

На острове Небраск рифматисты занимались тем, что поддерживали огромный меловой круг размером с город. Его границы охраняли патрули и походные пограничные лагеря рифматистов, сдерживающих атаки меллингов изнутри. Меловые твари бросались на линии, стараясь прогрызть брешь и вырваться наружу. И время от времени меллингам это удавалось, и тогда рифматистам приходилось давать бой.

Меллинги... Дикие твари, убивающие людей. Никто не знал, кто их создал. Воображение Джоэла живо рисовало огромный меловой круг, очерчивающий остров по залитой бетоном земле. Он слышал, что более всего рифматисты боялись штормов. И хотя навесы, расставленные по периметру, надежно защищали заградительный круг от дождя, вода между пологами все равно сочилась или проливалась внутрь круга, что было еще хуже, поскольку так внутренняя меловая граница размывалась и в обороне возникали бреши.

Напольные часы в углу медленно отмеряли минуты до полудня – часа, когда заканчивались летние факультативные занятия. Джоэл все корпел над переписными книгами, пыта-

ьясь сосредоточиться, тогда как мысли о меллингах и рифматических окружностях ни на миг его не отпускали.

Наконец Джоэл расправился с последней переписной книгой и потерял глаза. Стрелки часов показывали без четверти двенадцать. Джоэл встал размять ноги и направился к профессору.

Заслышав шаги, Фитч моментально захлопнул блокнот с записями. Джоэл увидел на страницах какие-то зарисовки, но и только. Рифматические эскизы? Прорванный заградительный круг?

– Ты что-то хотел, Джоэл? – спросил Фитч.

– Так ведь уже пора.

– Ах, неужели? Гм!.. И в самом деле! Как там поручение? Далеко продвинулся в исследованиях?

«И он называет это исследованием? – подумал Джоэл. – Не слишком ли громкое слово для такой задачи?»

– Я нашел и вычеркнул из вашего списка около тридцати имен.

– Неужто?.. Превосходно! Что ж, завтра продолжишь.

– Профессор... Не хочу показаться грубым, но... было бы здорово узнать, для чего я вам помогаю? Зачем я продираюсь через все эти переписные книги и имена?

– Гм... Боюсь, мне нельзя этого разглашать, – сказал Фитч.

– Это ведь как-то связано с визитом федерального инспектора в академию? – поинтересовался Джоэл, склонив голову

набок.

– Я... я и в самом деле не волен...

– Ректор мне уже все рассказал.

– Правда?... – почесал голову Фитч. – Что ж, полагаю, тогда можно и посвятить тебя... Хотя все выкладывать, конечно же, я не буду. Кстати говоря... Скажи-ка, не зацепился ли ты глазом за что-нибудь подозрительное?

– По правде говоря, все это малость жутковато, – пожал плечами Джоэл. – Листаешь, перелистываешь бесконечные списки покойников... Подозрительным может показаться любой некролог. Подробностей практически нет. Но большинство умерло либо от старости, либо от болезни.

– А несчастные случаи? – спросил Фитч.

– Есть парочка. Я пометил их, как вы и просили.

– О! Вот это хорошо! Сегодня же вечером ознакомлюсь с результатами твоих изысканий. Превосходная работа, сынок!

Джоэл от досады стиснул зубы. Зачем?... Что же они такое ищут? Связано ли это со сбежавшей девочкой? Или он выдает желаемое за действительное?

– Что ж, полагаю, тебе не терпится бежать? – сказал Фитч. – Мелоди, ты тоже можешь сегодня уйти пораньше.

Дважды упрашивать не пришлось. Не успели они и глазом моргнуть, как девочка оказалась у выхода. Джоэл несколько мгновений помялся. Стоит ли дальше давить на профессора? Однако требовательно заурчавший желудок решил все

за него.

Преисполнившись решимости придумать, как вынудить Фитча показать блокнот, Джоэл отправился обедать.

ЗАЩИТА САМШЕНА

Крестообразная метка на верхней точке привязки заградительной окружности обеспечивает дополнительную защиту и служит якорем для всей конструкции.

Обратите внимание на линию запрета, призванную блокировать вражеские линии силы.

Вычерчивая линию запрета, рифматист лишает себя возможности вести боевые действия за ее пределами.

В местах, обозначенных астериском, возможна привязка охранных меллингов для защиты флангов от атак меллингов противника.

Защита Самшена является быстрой защитой на основе четырехточечной окружности и длинной линии запрета на вершине, призванной оградить оборонительную конструкцию от вражеских атак. Данную защиту выбирают рифматисты, предпочитающие вести боевые действия с флангов.

Глава 08

По пути в столовую Джоэл пересек опустевшую лужайку. Кампус день ото дня становился все безлюдней. Студенты отбывали на каникулы. Не отставал от них и рабочий персонал – на летние месяцы оставались единицы. Даже некоторые профессора покидали свои кафедры, чтобы поучаствовать в исследованиях или симпозиумах во Франции или чосонской Британнии.

Тем не менее столовая оставалась самым людным местом в кампусе. Не желая стоять в очереди, Джоэл обогнул здание и прошел с черного хода напрямиком на кухню. Конечно, простым студентам вход сюда воспрещался, однако Джоэл простым студентом не был. Обязанности по организации обеда сегодня возложили на плечи Хекстильды. Необъятная женщина кивнула Джоэлу в знак приветствия.

– Джоэл, мальчик мой! – сказала она с характерным шотландским акцентом. – Наслаждаешься первым летним днем?

– Да как сказать! Провел полдня в заточении – в подземелье профессора! Заставил меня читать переписные книги академии, можете себе представить?

– Ха!.. – воскликнула Хекстильда. – Кстати, не могу не поделиться новостями! Меня так и распирает!

Джоэл вопросительно вскинул брови.

– Мой сынуля выбил для всего нашего семейства визу путешественника! Чтобы мы смогли побывать на родине! Отбываем в следующем месяце!

– Хекстильда! Это же фантастика!

– С тех пор как моего прапрадеда Мактевиша изгнали из Шотландии, ни один наш предок по родной земле не ступал! И вот теперь мы наконец-то едем в любимые сердцем края! Ох уж эти грязные азиаты! Заставляют нас, шотландцев, испрашивать у них разрешения посетить собственную родину!

Прячась среди нагорий, шотландцы дольше всех сопро-

тивлялись чосонскому нашествию, пока однажды все-таки не сдались и не были изгнаны из родного края. Убедить шотландца, что отвоеванная у него земля более ему не принадлежит, было задачей невозможной.

– Хекстильда, так ведь это надо отпраздновать! – воскликнул Джоэл. – Как насчет сделать мне сэндвич? Чтобы я не мариновался в очереди?

Хекстильда смерила его взглядом, но промолчала. Не прошло и пяти минут, как она соорудила ему свой фирменный многослойный сэндвич с копченым морским окунем. Покинув кухню, Джоэл направился через кампус, дорогой смакуя солоноватое угощение.

В университетском городке происходит что-то из ряда вон. Ректор Йорк ведет себя странно. Настораживает и излишняя подозрительность Фитча. Что он скрывает в своем блокноте? Все это очень и очень чудно. Надо втереться к ним в доверие... Вот только как?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.